

АЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ

Опасные Связи

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА

ИСПОВЕДЬ
СОБЛАЗНИТЕЛЬНИЦЫ

Опасные связи

Алёна Белозерская

Исповедь соблазнительницы

«ЭКСМО»

2010

Белозерская А.

Исповедь соблазнительницы / А. Белозерская — «Эксмо»,
2010 — (Опасные связи)

Баронесса схватила подушку, приложила к лицу своего врага и выстрелила. Потом встала, быстро оделась и ушла. В машине Ольга включила громкую музыку и подумала, что убить человека легко. И решиться на это тоже нетрудно. Тем не менее баронесса вдруг испугалась изменений, которые в ней произошли. Она стала жестокой. Правда, сожалеть о содеянном было недосуг: если первое, случайное и непреднамеренное убийство сошло ей с рук, то второе оказалось записано на установленную в спальне камеру. Хозяин решил использовать это против Ольги, желая заставить работать на себя. А предвидя отказ, велел похитить ее дочерей... Книга также выходила как «Черные ирисы» под псевдонимом Алена Винтер.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алёна Белозерская

Исповедь соблазнительницы

© Белозерская А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть I

Глава 1

Она стояла перед окном и жмурилась от яркого солнца. Теплые лучи ласкали кожу, с нежностью пробегали по щекам и шее, но причиняли боль глазам. Ольга прикрыла лицо руками, затем резко задернула шторы и отошла в глубь комнаты.

Сразу стало легче. Ушел свет, ушла боль, но напряжение осталось. Ольга задумалась, представляя себе, что могут чувствовать люди, как и она, решившие покончить жизнь самоубийством. Наверное, в такие моменты мысли у всех одинаковы: меня никто не любит, я никому не нужен, мне очень плохо. А ведь и правда плохо. Так плохо, что больше ничего не хочется, кроме смерти. И страшно.

Ольга присела за столик и посмотрела на приготовленные «инструменты». Пистолет, бритва, снотворное. Стандартный набор самоубийцы-труса. Теперь осталось самое сложное: решить, что именно выбрать. Потом уже будет не так тяжело. Потом будет только смерть.

Ольга взяла в руки пистолет, поставила на предохранитель, чтобы не выстрелил раньше времени, и поднесла к лицу. Дуло приятно холодило кожу виска. Она вдруг подумала, что дыра от пули будет ужасно смотреться на ее лице. Зато смерть будет быстрой, ни тебе преамбул, ни ожидания. Нет, она не решится нажать на курок. Просто не сумеет столь твердо поставить точку. Ольга отложила пистолет в сторону, потом засунула его в сумочку и бросила ее под стол.

Она посмотрела на бутылку мартини и маленький пакетик с кокаином. Быстро сделала две дорожки, но вдохнула только одну. Кокс приятно охладил полость носа. Она уже и забыла, как это бывает. Ольга чувствовала огонь, бегущий внутри, неистовый, обдающий жаром каждую клеточку. Плюсом кокаина было то, что он заставляет мозг быстрее соображать, минусом – он возвращает воспоминания.

Ольга обернулась и посмотрела на кровать. Ужасы прошедшей ночи промелькнули перед ее глазами. Она вспомнила потное лицо Марвина, его липкие руки, свои крики и безразличное тиканье часов. Подлетев к кровати, она сорвала простыню, пододеяльник и выбросила их в коридор. Затем метнулась к шкафу за чистым бельем. Ольга не собиралась умирать на этих пропахших потом и слезами простынях.

В коридор также полетела бритва. Следы от лезвия будут отвратительно выглядеть на ее нежной коже. Она и так уже обезображена бурыми кровоподтеками на запястьях. Марвин крепко держал ее, насилуя. Вспомнился его шепот, умоляющий замолчать и покориться. Ольга встряхнула плечами, избавляясь от этих мыслей. Она с силой выгоняла звучавший в голове голос Марвина. Он исчез. Помогли мартини и еще одна дорожка кокаина.

Значит, таблетки. Выбор сделан. Остались лишь мелкие приготовления.

Из шкафа Ольга достала самое красивое платье, выбрала легкие изящные босоножки и медленно их надела. Налила себе еще мартини, сделала несколько глотков. Вермут легкой горечью пробежал по горлу. Она снова посмотрела на таблетки. Дочери вернутся из школы к трем, их заберет Кейт, она и найдет Ольгу. Это хорошо, что няня девочек спокойна и немногословна. Она не будет паниковать, когда обнаружит Ольгу, не напугает малышей.

Нервный шепот Марвина снова возник в голове. А ведь Кристиан, «любимый» муж, стоял вчера за дверью, слышал ее крики, слышал стоны Марвина. Он никогда не отличался высокой нравственностью, но подобного абсурда, такой жестокости еще не случалось. Привести друга в дом, чтобы тот изнасиловал жену. Сколько же заплатил ему Марвин? Наверняка кругленькую сумму. Только деньгами можно было соблазнить Кристиана де Койна. Продажный скот!

Ольга приблизила лицо к зеркалу. В полумраке комнаты оно казалось еще более смуглым. Темные глаза горели, но лихорадочный румянец со щек пропал, кожа приобрела ровный оттенок. Она сделала еще одну дорожку. Это на потом. Сначала примет таблетки, затем вдохнет порошок, чтобы расслабиться, и ляжет в постель.

В душу тонкими змейками стал заползать страх. Ольга медленно выдохнула, пытаясь успокоиться. «Надо привести себя в порядок». Даже умирая, баронесса де Койн должна быть красивой. Ольга припудрила лицо и накрашила ресницы. Наложила блеск на губы и улыбнулась своему отражению. Повинуясь порыву, она достала ножницы и внимательно посмотрела на себя, обдумывая, какой длины волосы оставить. Короткие ей не пойдут. «Значит, сделаем каре». Она взяла небольшую прядь под ухом. Нет, слишком коротко. Опустила ножницы ниже, на уровень плеч. Волосы темным шелком упали на колени. Ольга стряхнула их на пол и взяла следующую прядь. Мысль о том, что она встретит смерть с новой прической, показалась забавной. Отложив ножницы в сторону, она тряхнула волосами. Надо было так подстричься раньше. Каре ей необычайно шло. Шея казалась длиннее, да и в лице появилось нечто, не выразимое словами. Хотя это было лишь последствие кокаина и алкоголя.

Она открыла пузырек со снотворным и высыпала содержимое на столик. Запивая каждую таблетку глотком martini, Ольга приняла половину. Потом посмотрела на оставшиеся, схватила их в горсть и, давась, проглотила. Вдохнула приготовленную дорожку кокаина и запила все остатками вермута. Сердце бешено колотилось, но не от страха. Его не было, неуверенность тоже исчезла. Голова была ясной, впрочем, снотворное еще не начало действовать.

Возле столика она сбросила босоножки и прошла по мягкому ковру босыми ногами. Пригладила одеяло и легла. Положив голову на подушку, Ольга сморщилась. Несмотря на свежие простыни, постель все еще пахла Марвином. Нет, это болезненный обман. Просто мозг играет злые шутки. От простыней веет свежестью. И от Марвина здесь ничего не осталось.

Ольга долго лежала, рассматривая стену перед собой. Тысяча мыслей крутилась в голове, затем они стали беспорядочно путаться. В животе появились странные ощущения, медленно перерастающие в боль. Уже не было сил повернуться на другой бок и прикрыться простыней. Нет, холодно ей не стало, но Ольге почему-то захотелось себя накрыть. Так она будет казаться спящей. И если ее вдруг увидят девочки, они не испугаются.

Девочки. Плохо малышам будет без мамы. Ольга знает, что это такое, когда никого нет рядом. Их никто не полюбит так, как любила она. Они останутся одни. Отцу ведь они не нужны. Мысль о дочерях заставила ее прийти в себя. Что же она натворила? Она сознательно бросила их, отказалась от них.

Ольга попыталась подняться, но ничего не получилось. Во рту было сухо и горячо. Облизать языком губы не удалось, язык словно прирос к небу. Дышалось тоже с трудом. Она очень хотела встать с кровати. Хотя бы дотянуться до телефона, но не было сил. Руки отказывались повиноваться. Ольга напряглась в последней попытке поднять свое онемевшее тело. Теплое покрывало сна заставило ее успокоиться. Пальцы рук побелели, лицо расслабилось. Ольга медленно уходила из жизни в этой богато обставленной комнате.

А солнечные лучи продолжали навязчиво проникать внутрь сквозь плотные шторы, окрашивая воздух в розовый цвет.

Глава 2

– Идиотка, – проговорил Кристиан, глядя на жену. – В следующий раз будь добра действовать наверняка, без расчета на спасение.

– Следующего раза не будет. В следующий раз я убью тебя.

Ольга отвернулась, чтобы не видеть его лица. Кристиан замолчал. Он был ошеломлен ненавистью, прозвучавшей в голосе жены. Никогда еще она не была такой откровенной. Всегда замкнутая и холодная, сейчас она пылала злобой. Исчезли невозмутимость и спокойствие. Она превратилась в дикую кошку, готовую в любой момент жестоко расправиться с обидчиком. Кристиан невольно почувствовал дрожь внутри. Была ли это дрожь желания или страха, он не стал разбираться. Одно было ясно: Ольга своим гневом возбудила его.

– Я уйду, – сказал он и вышел за дверь.

Ольга подошла к зеркалу, расчесала волосы и надушилась. Номер, в котором она жила, был не похож на больничную палату, да и сама клиника, где проходило ее выздоровление, напоминала отель, а не обитель шприцев и таблеток в пластиковых стаканчиках. Палаты называли здесь номерами. Внутреннее убранство их отличалось уютом и комфортом – большая кровать, туалетный столик, мягкие пушистые ковры, свечи, картины в изящных рамках. Владельцы клиники приложили все усилия, чтобы женщины чувствовали себя здесь, как на отдыхе, а не на лечении. Любое желание пациента исполнялось, едва озвучивалось вслух. Конечно же, если оно не противоречило установленным правилам, указаниям докторов и предписаниям Джулиана Уэбстера – главного врача клиники.

Ольга спустилась вниз, прошла по просторному холлу, легкими кивками отвечая на приветствия постояльцев, и вышла из здания. День сегодня был жаркий и, к счастью, не дождливый. В общем, лето в этом году в Великобритании было неправдоподобно сухим, без обычных дождей и намека на сырость.

Клиника, где Ольгу приводили в порядок после неудачной попытки самоубийства, называлась «Вирджиния Голд». Она находилась в тридцати километрах от Лондона, в живописном местечке на берегу Темзы. На территории большого поместья располагались главное здание и прилегающие к нему постройки: коттеджи для проходящих лечение, домики для персонала, гаражи. Большая его часть была превращена в парковую зону. Наиболее красивый участок ее находился у реки. Аккуратные аллеи, ухоженные кусты, цветы, удобные скамейки – все это позволяло расслабиться и отвлечься от причин, которые привели сюда клиентов. Главным правилом центра «Вирджиния Голд» было – «ни капли печали, ни грамма грусти». Здесь не хватало только аниматоров, тогда сходство со средиземноморским курортом было бы полным.

Ольга спустилась к реке и присела в шезлонг, стоящий в тени высокой акации. Она поздоровалась с дамой средних лет, сидящей недалеко от нее и пьющей коктейль неестественного лимонно-зеленого цвета. За стенами «Вирджинии Голд» эту леди звали Александрой Кедворт, здесь она была просто Алекс. Под глазами у Алекс остались синяки от недавно проведенной операции по удалению морщин. Она весело помахала Ольге рукой и усмехнулась, показывая пальцем на свою талию. Та стала гораздо тоньше. «Понятно, – усмехнулась Ольга, – снова откачала жир». Эту процедуру они называли между собой «жироотсосом», а женщин, проходящих ее, – свинками. Самое странное, что никто не обижался на подобные высказывания. Здесь вообще никто никогда не обижался. У каждого были свои причины находиться в «Вирджинии Голд». Все это понимали, и никто не интересовался, почему ты здесь появилась и когда собираешься уехать.

Пребывание в этой клинике было сродни временному провалу в памяти: все, что происходило внутри, здесь же и оставалось. Никто за воротами никогда не упоминал о посещении центра и тем более о том, кого там видел. Многие удивились бы и задали вопрос: почему?

Что страшного, если кто-то узнает, что какая-то дама делала контурную пластику или фото-эпиляцию? Ничего не случилось бы, но все молчали, и никто не нарушал правило, установленное много лет назад. Причина этому была одна. Медицинский центр, оказывающий все виды косметических услуг с официальным статусом клиники пластической хирургии «Вирджиния Голд», в узких кругах называемый «Форс-мажор Хаусом», в котором работали лучшие в своих областях специалисты, имел несколько иную специфику работы. И она существенно отличалась от того перечня услуг, о котором говорилось в официальных документах, лицензиях, проспектах и визитных карточках.

Были здесь такие, как госпожа Кедворт, жены богатых промышленников, приводящие в порядок свою фигуру и подправляющие лицо. Дамочки, делающие из себя «картинку» из модного журнала. Актрисы, обновляющие свою потрепанную обертку. Модельки, улучшающие внешность. Много известных личностей и просто красивых женщин, мечтающих себя изменить. Но большинство находились здесь по особым обстоятельствам. Именно из-за этих обстоятельств чинный и высокоморальный центр «Вирджиния Голд» в одночасье превращался в «Форс-мажор Хаус».

– Ольга, вы забыли принять лекарства.

Никаких титулов, фамилий. Пациентов здесь звали по именам. Докторов же, наоборот, называли только по фамилиям. Как звался младший медицинский персонал, вообще никто не интересовался. Ольга отвлеклась от мыслей и посмотрела на стоящую перед ней молодую женщину в легком платье нежно-абрикосового цвета. Она протягивала ей стакан с водой и таблетки в маленькой коробочке. Слишком хороша для медсестры. Тонкая, пластичная, с грудью внушительных размеров, она скорее вызвала ассоциации, связанные со стриптизом, сексом и журналом «Playboy». Трудно представить, что эта дамочка училась в колледже, зубрила латынь и ставила клизмы, проходя практику в какой-нибудь клинике.

Медсестра молча стояла рядом, дожидаясь, пока Ольга выпьет принесенные ей таблетки. Ни капли нетерпения или раздражения в голосе, лишь мягкая настойчивость в глазах и вежливая улыбка на губах. Ольга запила водой разноцветные пилюли. Ей захотелось открыть рот, показав тем самым тете-медсестре, что она послушная девочка и выполняет все предписания врачей. Девушка исчезла так же тихо, как и появилась. Ольга вдруг почувствовала себя неуютно. А с чего бы ей быть довольной? Да, внутри клиники у нее не было повода для забот и тревог, но стоит только выйти за ворота, и прежняя жизнь непременно вернется, неся с собой новые разочарования, проблемы и боль.

Здесь она отгородилась от всего. Здесь она была просто Ольгой, которую заботливо восстанавливали после попытки покончить с собой. Таких, как она, в «Форс-мажор Хаусе» было великое множество. Широкопрофильные медицинские услуги этой спасительной клиники для богатеньких дам впечатляли. Тут выводили из длительных запоев, приводили наркоманов в чувство, делали аборт. Кроме того, реставрировали лица и тела после жутких переплетов, в которые имели несчастье попасть находящиеся в клинике женщины. В этих стенах перебивало множество «красавиц» с переломанными носами, раскрошенными челюстями и трещинами, а то и переломами разных частей тела. Их привозили мужья, любовники, покровители – главные виновники подобных «форс-мажоров». Здесь приходили в себя жертвы насилия. Лечились те, кого судьба случайно занесла не в то место и не в то время. Восстанавливались после нервных срывов, избавлялись от болезненного раздражения и каких-либо зависимостей.

У каждой женщины были свои проблемы, которые казались ей неразрешимыми. Никому не было дела до того, что случилось с другими и по каким причинам они здесь очутились. Конечно же, всем все было известно, причем до мельчайших подробностей. Но это не обсуждалось вслух и никогда не выливалось наружу. Люди, пребывающие в клинике на лечении, прекрасно знали о том, что, где и кому следует говорить, а о чем следует молчать.

В общем, «Форс-мажор Хаус» был кладезем секретов и хранил множество тайн. Это место было спасительной шлюпкой, где любая женщина (впрочем, не любая, а та, у которой есть деньги) могла на какое-то время забыться и перевести дух. Место, где часы останавливались, чтобы дать возможность набраться сил перед новыми испытаниями. Место, куда многие уезжали зализывать свои раны, – маленький островок покоя и печали.

Это был не первый визит Ольги в «Вирджинию Голд». Она была частым клиентом клиники. Обычно она приезжала сюда на несколько дней для косметических процедур. В этот раз все было по-другому. Она никогда не подумала бы, что следующее посещение окажется сопряженным с подобными событиями. Однако очутиться в клинике было гораздо лучше, чем отправиться на кладбище. Но самым противным в этой ситуации являлось то, что благодарить за свое спасение она должна Кристиана. Человека, который способствовал тому, что она с собой сделала.

Ольга не помнила, как Кристиан нашел ее в бессознательном состоянии. Не помнила, как ее привезли в «Форс-мажор Хаус». Не помнила врачей, пытавшихся вытащить ее из тисков смерти. Ей даже не было больно во время всех процедур, связанных с чисткой желудка, хотя несколько дней потом жутко саднил пищевод от хирургических трубок и катетеров. Руки были исколоты иглами от капельниц, покрылись синяками и ссадинами. Но все это казалось мелочами. Главным, как сказал доктор Джулиан Уэбстер, было ее возвращение к жизни.

Но было ли это на самом деле главным? И для кого это важно? Явно не для Кристиана. Разве что для дочерей. Но если бы Ольга умерла, они все равно недолго бы помнили о ней. Настало бы время, когда они забыли бы, как звучит ее голос, потом стерлось бы из памяти ее лицо. Остался бы только неясный, расплывчатый образ женщины, которую они когда-то называли «мамой».

Несколько дней к Ольге никого не впускали. Было счастьем хоть какое-то время не видеть лицо Кристиана. Уэбстер говорил, что он приезжает каждый день, чтобы справиться о ее здоровье. «А Марвина, дружка своего, он случайно с собой не привозит?» Ольгу так и подмывало спросить об этом доктора, но она сдерживала эмоции.

Патока или Доктор Джули – так все звали Уэбстера между собой. Прозвища, кстати, очень подходили этому невысокому, изящному мужчине. Многие гадали, был ли он на самом деле «педиком» или всего лишь неудачно притворялся им для того, чтобы отпугнуть пациентов, готовых съесть его одним только взглядом. Светлоглазый, всегда идеально одетый и причесанный, неизменно улыбающийся, внешне он, конечно же, был больше похож на гомосексуалиста из телевизионного сериала, чем на мужчину, шепчущего слова любви какой-нибудь женщине. В клинике даже делали ставки по поводу его сексуальной ориентации. Пока еще никто не сорвал куш, хотя на кону, как говорили, была внушительная сумма. Никому из пациентов до сих пор не удалось затащить его в постель, но и в обнимку с мужиком его тоже никто не видел.

Ольга спустилась к реке, постояла возле воды и подошла к деревянной, обвитой диким виноградом беседке. Проведя рукой по гладким перилам, она замерла, прислушиваясь к тишине. Внутри появилось какое-то неприятное ощущение. Как будто кто-то надул шарик гигантских размеров, и он грозит лопнуть. Отчего так тихо? Ольга огляделась. Казалось, сама природа осторожно наблюдает за ней, следит за каждым ее движением и читает мысли. Отсюда и странная тишина, окружившая ее словно саваном.

Ольга закрыла глаза. Вот оно, время перемен. Настал момент, когда следует решить, как быть дальше. Она, Ольга Соллер, баронесса де Койн, летевшая по жизни по траектории полета летучей мыши, такой же непредсказуемой и непонятной, сейчас открыла в себе желание все изменить. Но пока еще не знала, что именно следует менять, и главное, что за этим последует.

* * *

Ольга родилась в Москве. Назвали ее в честь матери отца. Бабушку Ольга совсем не помнила, так как в скором времени им пришлось уехать в Лондон: отца аккредитовали одним из помощников посла при русском посольстве в Великобритании. Родители говорили, что от бабушки Ольга взяла только имя, больше ничего общего, кроме крови, у них не было. Бабка была той еще «штучкой» – игривой кокеткой, шумной, дерзкой и порой совсем невыносимой особой. Ольга же, наоборот, росла милой, тихой девочкой с грустными глазами. В этом они были очень похожи с отцом. Он, так же как и дочь, казался маловосприимчивым к окружающему миру и всегда являл собой невозмутимое спокойствие. Порой мама в раздражении называла его вялым и скучным. Сама же она была увлекающейся натурой, со взрывным темпераментом. Грузинские корни матери говорили сами за себя: внешне она была очень яркой женщиной, прекрасно готовила и была очень гостеприимной. В их небольшой квартирке всегда толпилась масса незнакомых людей. Ольга не любила эти чаепития, разговоры о политике, искусстве, ее раздражало постоянное внимание взрослых и попытки матери вовлечь дочь в беседу. Уже тогда, будучи совсем юной, Ольга научилась закрываться от окружающих. Легче всего было нацепить на себя маску участия и присутствия, а на самом деле думать о своем. Мыслями она была далеко, где-нибудь в Рио-де-Жанейро или в кинотеатре, или в любимой кофейне в окружении приятелей. Самыми сладкими были мечты о подиуме. Кто именно зародил в ней эти мечты, Ольга уже не помнила. В памяти осталось лишь восклицание одного из знакомых матери:

– Боже, какое прелестное лицо!

Этого вскользь произнесенного замечания было достаточно, чтобы Ольга неожиданно поверила в себя, прониклась сознанием своей красоты и решила непременно стать знаменитой. Но ни одного слова об этом желании не было произнесено вслух.

Ольга хорошо училась. Она знала, что родители хотят, чтобы их единственная дочь продолжила обучение в каком-нибудь престижном вузе. Мама мечтала видеть свою дочь дипломированным специалистом, и Ольга подчинилась, не желая ее обидеть. Она поступила в университет, но оставила учебу сразу же после смерти матери, проучившись всего два года. Отец тяжело переживал уход жены. Кончина ее была неожиданной. Всегда пышущая здоровьем и весельем мама за несколько недель превратилась в свою бледную копию: высохла и очень быстро постарела. Известие о том, что у матери рак, не потрясло Ольгу, она приняла это с присущим ей спокойствием. И впоследствии при больших неприятностях Ольга оставалась внешне невозмутимой. О том, что творилось у нее внутри, никому не было известно.

После смерти матери отца перевели в Москву. Ольга же получила долгосрочную визу и осталась в Лондоне, чтобы воплотить в жизнь свою давнюю мечту о карьере модели. Сначала Ольга растерялась от полной свободы. Жизнь казалась ей интересной, и каждый день приносил что-то новое. А потом пришло разочарование. Выяснилось, что ее внешность отличается от тех стандартов, что требовались от русской модели. Она была не такой высокой, как те юные красотки, что покоряли мировые подиумы. Была не светловолосой и светлоглазой, и кожа ее не излучала тот очаровательный сливочный блеск, который восхищал рекламодателей. Глядя на Ольгу, мало кто мог подумать, что в ней течет русская кровь. В ней вообще с трудом угадывалась какая-либо национальность. А когда она начинала говорить, многие предполагали, что стоящая перед ними девушка – француженка, уж очень плавно и мягко текли фразы, в которых слышался едва уловимый акцент.

От матери-грузинки Ольге достались восхитительные темно-каштановые волосы и карие глаза. Мягкий, немного печальный взгляд и вздернутый нос она унаследовала от отца. Стройная фигура, изящная шея, чистая кожа, красивой формы руки – Ольга знала, что обладает при-

влекательной внешностью. Она не понимала, почему ее лицо не подходит ни одному модельному агентству. Все просматривали портфолио, обещали связаться с ней, но не было ни одного звонка с предложением работы. Денег, которые присылал отец, ей хватало с трудом, но Ольга не стремилась найти другое занятие, как это делали другие девушки. Ей претила мысль о том, что она будет подносить кому-то тарелки, мыть посуду или заниматься уборкой помещений.

Не имея дополнительного дохода, кроме денег, получаемых от отца, Ольга все-таки умудрялась оплачивать квартиру, которую снимала в складчину с тремя приятельницами, находила возможность покупать себе новые вещи, посещать кафе и клубы. Она ни у кого не просила в долг, никому не давала займы. Никто не видел, чтобы она пила в клубах коктейли. Все считали, что Ольга не любит алкоголь, на самом же деле она просто жалела денег на спиртные напитки. Она была не жадной, просто не могла потратить несколько фунтов на коктейль, зная, что завтра нечего будет есть.

Знакомые девушки называли ее «высокомерной русской сучкой», потому что она никогда не рассказывала о себе и не выставляла свои чувства напоказ. Женщины ее не любили, зато мужчины, наоборот, стремились к ней. И Ольга им уступала. В тот период жизни у нее было много любовников, но не было любви. Со стороны могло показаться, что эта юная леди безучастна и несколько аморфна. Такое впечатление складывалось у тех, кто смотрел на людей поверхностно, не утруждая себя вглядеться внутрь. Никто не знал настоящую Ольгу. На самом деле она была отзывчивым, чутким человеком, просто еще никому не удалось заставить ее раскрыться. Она была закрытым бутонem, такой и осталась, так и не позволив себе распуститься.

А потом ей позвонил Марвин Роуз – управляющий самым известным модельным агентством в Лондоне. Счастью Ольги не было предела. В это же время из Москвы пришло известие о смерти отца. Инфаркт в пятьдесят четыре года. Осознание того, что теперь за ней никто не стоит, что она лишилась незаметной и ненавязчивой поддержки отца, появилось в тот момент, когда мистер Роуз озвучил вслух предложение, которое потрясло Ольгу. Она шла в агентство с надеждой на блестящее будущее. Сидя же перед Марвином, высоким блондином с красными щеками, глядя, как горят его глаза, с жадностью рассматривающие ее лицо, она услышала громкий хлопок двери, означающий, что ее мечтам о карьере модели не суждено сбыться.

Марвин, ловкий сукин сын, с улыбкой сообщил, чего именно он ожидает от Ольги. Он протянул ей фотографию мужчины лет пятидесяти и сказал:

– Ты ведь понимаешь, насколько хороша собой? – Секундная пауза. – И он понимает. Этот господин желает, чтобы ты его сопровождала.

Она даже не посчитала нужным ответить. Просто встала и ушла. Марвин бросился за ней следом. Такого, как говорили потом, с ним никогда не случалось. Ему еще не приходилось уговаривать девочек получить легкие деньги, проведя несколько часов в обществе богатого мужчины. Никто и не думал отказываться. Он сам был удивлен, когда побежал за этой холодной красоткой. Ольга не хотела слушать его увещаний, но он все же умудрился всучить ей свою визитку, заставив пообещать, что она непременно позвонит, если передумает.

Растерянная и ошеломленная, в тот вечер Ольга впервые открылась девицам, с которыми жила. Как оказалось, девушки, такие же несостоявшиеся модели, как и она сама, часто прибегали к подобному заработку.

– Обычная практика, – засмеялась одна из них, натягивая чулки. – А на что, ты думаешь, мы живем, покупаем шмотки, жратву? Брось, Ольга, в каком мире ты находишься?

– Посмотри, какую шубку прикупила себе Мэри, – вступила в разговор другая.

– Да, нежадный хрыч попался, – хихикнула Мэри. – Не будь дурой, Ольга. Ты ведь не какая-нибудь дочь миллионера, и деньги у тебя под подушкой не растут. Прогнись немного. Там, глядишь, и в журнале появишься. Если прогнешься хорошо.

Ольга оторопело улыбнулась.

– Вот-вот, аристократка ты наша, раскрой глаза. Мир совсем не такой, каким тебе кажется, – в голосе Мэри послышалась злость. – В этом мире каждый хочет отхватить свой кусок торта. И ты в том числе. Ты ведь хочешь стать моделью?

Ольга кивнула.

– А кто-то хочет тебя, – продолжила Мэри, накинув на худые плечи норковую шубку. – Основной закон жизни: даешь, чтобы брать.

Ольга прокручивала этот разговор в голове, пока не закончились деньги, оставшиеся после продажи родительской квартиры в Москве. Марвин принял ее сухо, он уже не был вежлив, но глаза его так же горели, как и в первую встречу.

Все как-то быстро завертелось. Ольга даже не заметила перехода из одной ипостаси в другую. Еще несколько месяцев назад она была дочерью дипломата, а потом вдруг стала женщиной, торгующей своим обществом, а заодно и телом. Она стала проституткой, хотя официально считалась моделью. Конечно же, она ничего не рекламировала, нигде не снималась. Но ее портфолио в агентстве считалось одним из лучших, правда, стояло оно на другой полке и было помечено особой меткой.

Что она чувствовала при этом? Ни страха, ни боли, ни смущения, лишь пустоту. В голове вертелись слова русской песни, которую она слышала в Москве, когда приезжала на похороны отца. Вот их она и прокручивала про себя: «Шелковое сердце не пылает и не болит. Никогда не будет любить». Песня об Ольге Соллер. Она запретила себе чувствовать, сознательно превратившись в лед.

Ее яркая внешность абсолютно не сочеталась с внутренней пустотой. Но об этом никто не догадывался. Мягкий взгляд, унаследованный от отца, изысканные манеры, как результат воспитания, умение поддержать любую тему разговора – искусство, которому она быстро научилась благодаря пытливому и жадному к знаниям уму, – на этом основывалось поверхностное суждение людей, имеющих честь быть знакомыми с Ольгой Соллер. Глубже никто не пытался заглянуть, словно красивого лица и гибкой фигуры достаточно для общения.

Спустя несколько месяцев после того, как Ольга приняла предложение Марвина, она неожиданно для всех стала женой Кристиана де Койна – завидного жениха, барона, отца двоих детей и редкой сволочи. Теперь к ней обращались не иначе, как «госпожа баронесса», а девочки за спиной шептались о том, как повезло «русской сучке». Всех интересовало, что же такое она предприняла, чтобы привлечь внимание де Койна и заставить его на себе жениться. Как ни парадоксально, но именно холодность и недоступность сделали ее привлекательной в глазах развращенного вниманием женщин Кристиана. Когда она с безразличием смотрела на него, де Койн загорался. Как и другим мужчинам, ему было любопытно, что скрывается за занавесом таинственной недоступности, которым окружила себя Ольга. Он не знал, чем привлечь ее. Решение пришло само собой.

Свадьба была скромной, никакого торжества по этому поводу, только короткое упоминание в разделе светской хроники и ужин в ресторане. Впрочем, большого приема для того, чтобы почувствовать себя счастливой, Ольге не требовалось. И как оказалось, в замужестве, которым она себя связала, тоже не было необходимости.

Брак был неудачным. Почти сразу Ольга почувствовала, что надоела Кристиану. Но все же разводиться с ней он не собирался, хотя бы потому, что Ольга стала хорошей матерью его дочерям. Две прелестные черноволосые девочки. Ольга быстро к ним привязалась. С первого дня совместной жизни с Кристианом она стала ощущать себя их матерью. София и Виктория отвечали ей нежностью и любовью. Пожалуй, девочки были единственной радостью в ее жизни. Мужа Ольга уже не интересовала, он и не пытался это скрыть. Огонь, которым Кристиан горел в короткий период ухаживаний, потух, а Ольга не стремилась сделать что-либо, чтобы возродить его чувства. Всю себя она отдала его дочерям. Она никогда ни о чем его не просила, лишь настояла на том, чтобы официально считаться матерью детей.

Ольга стряхнула с себя временное оцепенение и посмотрела на часы. Боже, так быстро пролетело время. Почти два часа она простояла в раздумьях. Два часа пролетели, как две минуты. Впрочем, чему она удивляется? Семь лет брака промчались с той же скоростью, что и эти часы, проведенные у воды.

Когда Кристиан стал жестоким по отношению к ней? Все началось с оскорблений, потом в ход пошли пощечины. Его вспышки гнева, алкоголь, исчезновения Ольга принимала со свойственной ей невозмутимостью. Это бесило Кристиана. Он напивался и избивал ее. Он никого не стеснялся, даже дочерей. Ольга старалась уберечь их от грубости отца и его постоянных издевательств. Вскоре они сами стали понимать, что происходит между родителями, научились определять настроение отца по тому, как он открывает входную дверь. Если он дольше обычного возился с замком, значит, был пьян. Тогда они бежали к Ольге и испуганно к ней прижимались. Она отводила их наверх и возвращалась к мужу, чтобы принять очередную порцию оскорблений.

Какая ирония! Баронесса де Койн – одна из самых стильных и красивых женщин Великобритании – жертва домашнего насилия. Кто бы мог в это поверить? Никто не знал об этом, кроме Марвина Роуза, который неоднократно видел Ольгу со следами побоев на лице. Именно он познакомил ее с Кристианом, именно он был шафером на их скромной свадьбе. И он насиловал Ольгу в ту ночь, за которой последовала ее неудачная попытка убить себя.

* * *

Ольга поднялась к доктору Уэбстеру. Он указал рукой на кресло.

– Я пригласил вас, чтобы обсудить дальнейшее лечение.

Кожаное кресло скрипнуло. Ольга удобно устроилась в нем и посмотрела на доктора, показывая, что готова продолжать беседу.

– Утром я разговаривал с бароном и рекомендовал ему оставить вас здесь еще на десять дней. Видите ли, мне кажется, что в свете произошедших событий... – доктор тактично замолчал, давая ей понять, что он имеет в виду, – это будет наилучшим способом отвлечь вас от неприятных мыслей. Мы назначим вам новые восстановительные процедуры. Я не хотел бы выписывать вам антидепрессанты. Конечно же, после случившегося, – доктор старательно избегал слова «самоубийство», – вы кажетесь несколько подавленной, но это не та угнетенность, которая бывает при невротической депрессии. Как вы считаете, я прав?

– Почему вы меня спрашиваете? Я же не врач.

– Мне важно услышать ваше мнение, – настаивал Уэбстер. – Вы знаете себя лучше, чем кто-либо другой. Что вы думаете о своем внутреннем состоянии?

Ольга слегка растерялась, но не подала виду. Доктор был первым человеком, который спросил, что она чувствует. Она с благодарностью посмотрела в его глаза и улыбнулась:

– Думаю, вы правы, Джулиан. Мне не нужны ни успокоительные, ни какие-либо другие лекарства. Все, что необходимо, – это несколько дней отдыха.

Неожиданный звонок телефона нарушил душевную атмосферу, которая воцарилась в комнате. Доктор снял трубку. Оттуда послышалась быстрая речь, но, о чем именно говорилось, Ольга не смогла разобрать.

– Подготовьте вторую операционную, – ответил врач и поднялся.

Он провел ее до двери.

– Отдыхайте, Ольга. Увидимся завтра, а сегодня я желаю вам хорошего вечера.

Кабинет доктора Уэбстера находился в рабочем крыле здания на втором этаже. Здесь не было номеров клиентов, только кабинеты для косметических процедур и две операционные пластической хирургии. На первом этаже спортивный зал, сауна, бассейн.

Подходя к лестнице, Ольга заметила, как двери транспортного лифта открылись и оттуда на каталке вывезли женщину, прикрытую простыней. Лицо ее было в крови, которая лилась из рассеченной брови. Ольга отскочила в сторону, пропуская медиков.

Ночью она ворочалась в постели, вспоминая глубокую рану на лице девушки и заплывшие кровью глаза. Ей стало страшно: в той юной девочке она видела себя, видела синяки на своих плечах, разбитые в кровь губы, распухшие суставы на пальцах и содранную кожу на руках. Через все это Ольга прошла, пытаясь защититься от побоев мужа. Ольга знала, что та дама находится здесь не потому, что попала в аварию. В этом случае «Скорая помощь» привезла бы ее в городскую клинику. Она здесь, потому что богата и пытается скрыть от общественности следы насилия. Или потому что богат тот, кто совершил с ней это, и теперь замечает следы, передав жертву опытным хирургам.

Глава 3

Утром Ольга не спустилась к завтраку, что не прошло незамеченным для доктора Уэбстера. Он позвонил ей в номер, спрашивая о причинах отсутствия. Ольга соврала, сказав, что нехорошо себя чувствует. К ней сразу же прислали врача, который измерил температуру, давление, прослушал дыхание. Ольга мысленно ругала себя за эту маленькую ложь, поскольку она принесла ей больше хлопот, чем нежеланный завтрак. Врач удалился, оставив в коробочке массу таблеток. Ольга смахнула их в верхний ящик тумбочки. Затем приняла душ, сделала легкий макияж и решила прогуляться по парку.

Она уже сворачивала на небольшую аллею, ведущую к реке, когда услышала голос:

– Наверное, сегодня будет дождь.

Ольга обернулась. В шезлонге полулежала молодая девушка, ноги ее были прикрыты одеялом. Светлые волосы собраны в пучок на затылке, лоб перевязан. Распухшее лицо ее ужасало дикостью красок – от грязно-бордового до сине-фиолетового цвета. Нос казался огромным, но, похоже, он был не сломан. Израненные губы растянулись в приветственной улыбке.

– Простите, что вы сказали? – Ольга на мгновение оцепенела от увиденного.

– Говорю: будет дождь. – Глаза девушки засветились.

Ольга недоуменно подняла голову вверх. Сквозь высокие деревья она попыталась разглядеть небо. Ни облака. Яркие лучи солнца пытались пробиться сквозь густые ветви деревьев и дотянуться до земли.

– Будет, будет, – уверенно сказала девушка. – У меня кости ломит.

Она засмеялась своей шутке. Глядя в лицо, похожее на один большой синяк, Ольга удивилась тому, что у девушки не пропало чувство юмора. Худенькие плечи тряслись в безудержном смехе. Ольга улыбнулась.

– Вам не больно смеяться?

– Больно. – Девушка попыталась вытереть набежавшие на глаза слезы. – Ой, твою мать!

Ольга не выдержала и прыснула. Она прикрыла лицо руками, уговаривая себя успокоиться, но ничего не получалось. Много лет она не смеялась так, как сейчас, до колик.

– Представляете, мне даже зеркало отказались давать, чтобы я в обморок не грохнулась. Как будто я не представляю, что у меня с лицом творится.

Ольга засмеялась еще громче.

– А вы, – девушка попыталась подмигнуть опухшим глазом, – жертва такой же аварии, как и я?

Ольга перестала смеяться и нахмурилась. Вопрос показался ей бестактным, даже дерзким. Он посягал на ее тайны. Ответив на него, она нарушила бы основное правило «Форс-мажор Хауса» о невмешательстве в личную жизнь.

– Здесь не принято спрашивать о подобном, – холодно ответила она. – Вообще не принято разговаривать с незнакомцами.

– Но мы же не в каком-нибудь элитном казино находимся, – возразила девушка.

По всей видимости, она была в клинике впервые, раз позволяла себе такие вольности. Ольга решила быть снисходительной к этой беспардонной простушке. Что-то в голосе девушки заставило ее проявить мягкость и сдержанность. Сравнение «Форс-мажор Хауса» с казино, где нельзя разговаривать с людьми, не будучи представленным, показалось ей остроумным. Ольга усмехнулась, подумав, что придает слишком большое значение установленным правилам. Она подошла к девушке и протянула руку.

– Тогда давайте познакомимся. Ольга.

– Вы – русская?

– Что за наглость! – ахнула баронесса.

Девушка хмыкнула.

– А что такого в моем вопросе? Я – наполовину немка, и мне не страшно в этом признаться.

– Да, я – русская.

– А я – Мадлен. Пить охота. Вы не нальете мне сока? Я бы сама налила и вам предложила, да вот рука ноет и поворачиваться не желает. Уже час сижу и жду, пока какая-нибудь «клизма» мимо пробежит. Ой, простите. Я не вас имела в виду, а медсестру.

– Я поняла, что вы не хотели меня обидеть. – Ольга налила сок, вставила в стакан трубочку и протянула Мадлен.

Та осторожно сделала глоток и сморщилась. От сока больно защипало губы.

– Вот ведьмы, – выдохнула из себя Мадлен, – другого сока, кроме апельсинового, у них нет.

– Это вы снова о медсестрах? – спросила Ольга.

– Не обижайтесь. Я всегда говорю глупости, когда мне больно.

Ольга вдруг поняла, что этими грубоватыми высказываниями Мадлен пытается приободрить себя. Пусть это звучало несколько шокирующе, но все же лучше, чем если бы девушка предалась печали или плакала.

– Простите мою не деликатность, – сказала Мадлен и, помолчав, добавила: – Просто на душе так тошно, что хочется позлословить.

– Вы ни в чем передо мной не провинились, – слишком резко ответила Ольга и густо покраснела, заметив, как заблестели глаза девушки.

– Хорошо, – согласилась Мадлен. – С извинениями покончено.

– Мне знаком ваш голос. Но не могу вспомнить, где его слышала.

– Да, конечно. Только по голосу меня сейчас и можно узнать. В моем нынешнем состоянии даже родная мама прошла бы мимо, – хихикнула Мадлен, прокашлялась и запела: – Самый вкусный йогурт...

– В старой Англии, – подхватила Ольга. – Ой! Вы та самая прекрасная молочница из рекламы!

– Скорее то, что от нее осталось. О рекламе придется забыть, по крайней мере, на ближайшие шесть месяцев. Ну, хотя бы челюсть цела, – продолжала Мадлен, не замечая неловкого молчания Ольги. – Ах да! Надо еще сказать «спасибо» тому ублюдку за то, что нос мне не сломал.

Ольга уже совсем забыла, что собиралась спуститься к реке. Здесь, рядом с Мадлен, она вдруг почувствовала, насколько ей необходим понимающий человек. Она внезапно захотела поделиться своими переживаниями, рассказать о том, что произошло в ее жизни, и услышать ответную историю. У нее никогда не было подруг, потому что в том мире, в котором она волей судьбы оказалась, невозможно иметь друзей. Да и дружить там, собственно, никто не умел, могли лишь сотрудничать.

Ольга посмотрела на синие щеки девушки.

– За что тебя так? – вырвался вопрос.

Мадлен махнула рукой.

– Он – извращенец и садист. А ты что здесь делаешь?

– Таблеток наглоталась, – сказала Ольга и испытала облегчение от своего признания.

– Ни фига себе! Ну, ты и отчаянная, – присвистнула Мадлен. – А я – трусиха, ни за что бы так не смогла.

Налетел ветерок и растрепал короткие волосы Ольги. Она рассеянно пригладила их.

– Рада была познакомиться, Мадлен.

– Заходи на кофеек, – ответила та. – Я здесь надолго.

Ольга решила не продолжать прогулку и направилась к себе в номер. Весь день она пролежала в кровати, глядя в потолок, представляя будущую беседу с Кристианом и обдумывая разговор с Мадлен.

Вечером в комнату постучали. «Это что еще за посещения?» – в раздражении подумала Ольга. Дверь быстро открылась, и в комнате оказалась Мадлен. В руке она держала пакет, в котором что-то подозрительно звенело.

– Насколько я знаю, у русских, да и у немцев тоже, принято выпить за знакомство. Чтобы оно было долгим и крепким. Ну, совсем как этот напиток, – деловито сказала она, вынимая из пакета бутылку водки, стаканчики и фрукты на закуску.

Поначалу Ольгу возмутило это внезапное вторжение, потом она расслабилась, и ей даже стало весело.

– Кухню ограбила? – спросила она.

– Брось. Тебе ли не знать, что здесь стоит только щелкнуть пальцами, и – вуаля!

– Как быстро ты освоилась.

– Да, ладно тебе, – отмахнулась Мадлен. – У нас на этаже работает прекрасная тетенька – Рамона. Страшная такая! Короче, она наш ночной смотритель. Я к ней ловко подкатила и...

– Доктор Уэбстер запрещает распитие спиртных напитков, – не унималась Ольга.

– Ага, как же! Тут все только и делают, что хлещут коктейльчики с водкой, ромом и тому подобное. Не знала, что ли?

– Знала, просто сама никогда не пила.

– А, понятно, – не удивилась Мадлен. – Алкоголик в прошлом?

– Много себе позволяешь, – возмутилась Ольга.

– Тихо, не кричи. Так и быть, твой стакан убираем. Раз нельзя пить, значит, не будешь.

– Буду.

Мадлен засмеялась и тут же прикрыла рот рукой, скривившись от резкой боли.

– А, твою мать! Придется пить водку через трубочку. По-другому не получится.

Плечи Ольги затряслись в беззвучном смехе. Она взяла протянутый Мадлен стакан и выпила залпом. Водка обожгла язык и небо, и горячим ручейком побежала в желудок.

– Слушай, Ольга, сколько тебя здесь будут держать?

– Уэбстер сказал, что еще дней десять. Хотя, если было бы можно, я осталась бы здесь навсегда. Жаль только, что дочек нет рядом.

– Дочек? – Мадлен с интересом уставилась на Ольгу.

– Софии – девять, Виктории – восемь.

– И как ты решилась выпить таблеток? – в голосе Мадлен слышалось возмущение. – О них в тот момент не думала?

– Стыдишь меня? – Ольга внезапно почувствовала раздражение, оттого что Мадлен посмела ее осудить.

– Нет, конечно. Просто хочется знать, зачем ты это сделала?

– Муж привел своего друга к нам домой, – Ольга словно выплевывала из себя слова. – И тот меня изнасиловал. Муж просто разрешил ему войти в мою комнату и закрыл дверь. Он, наверное, стоял в коридоре все время, слушал, как я зову на помощь и умоляю меня отпустить.

– Разве такое бывает? – Мадлен ошеломленно округлила глаза. – Ну и скотина же твой муж!

– Хуже! После того, как его дружок ушел, – Ольга старательно подбирала слова, опуская имена, – он подошел к кровати, пьяный, злой... Черт! Начал гладить меня по спине. Наутро я выпила упаковку снотворного. А знаешь, ты права. В тот момент я действительно не думала о дочерях. У меня все перевернулось в душе от отвращения к нему и себе. Я ничего не хотела, кроме смерти.

Мадлен слушала, не перебивая, лишь иногда дотрагивалась до руки Ольги, когда голос той начинал особенно сильно дрожать.

– Вернешься к нему? – спросила она.

Ольга отрицательно покачала головой.

– Нет, никогда. Он бил меня. А после того, что произошло...

– Вот сука! – воскликнула Мадлен. – Еще и бил к тому же. Господи, чего я возмущаюсь? Ольга, посмотри на меня. Думаешь, меня поезд переехал? – хохотнула она. – Это было бы гораздо лучше! Мой любовник напился и избил меня. Бил так жестоко, что я умоляла Господа, чтобы он поторопился со своим решением: оставлять меня в живых или нет.

– Он тебя приревновал к кому-то, потому избил? Боже, что я спрашиваю?

– Все нормально. Сначала он заставил меня надеть черный парик и изображать одну даму. Потом ему не понравились мои актерские способности, он дал мне пощечину, я ему ответила... вот так все и произошло. В школе я была грозой всех мальчишек, а сейчас меня отлупили, как девчонку. Хотя я справилась бы, если бы Марвин был немного поменьше, но этот рыжий бык такой сильный. Что с тобой?

При имени Марвин Ольгу передернуло. Она внезапно подумала, что человек, о котором говорит Мадлен, и друг ее мужа одно и то же лицо. Нет, быть не может! «Но ведь она назвала его рыжим. Марвин тоже рыжий». Сердце бешено застучало.

– Мадлен, как зовут твоего любовника?

Мадлен испытующе посмотрела на Ольгу и медленно проговорила:

– Марвин Роуз.

– О боже!

Ольга закрыла лицо руками, ее всю трясло в приступе отвращения. Затем вскочила с кровати и выбежала в ванную. Там она долго ополаскивала лицо холодной водой.

– Ты знаешь Марвина? – послышался за спиной голос.

– Знаю. – Ольга вытерла лицо полотенцем и повернулась к Мадлен.

Та в напряжении стояла на пороге, не зная, что сказать. Маленькая, тоненькая, с разбитым лицом и испуганными глазами – она производила впечатление растерявшегося и обиженного ребенка. Отчаянно захотелось схватить ее за острые плечики и прижать к себе.

– Я знакома с Марвином. – Ольга протянула руку и поправила волосы Мадлен. – Не бойся, я никому не скажу о том, что он с тобой сделал.

– Расслабься! Все и так знают, что Марвин – садист.

Мадлен горько усмехнулась и поправила повязку, которая съехала на лоб. Затем, разозлившись, сорвала бинт. Ольга вздрогнула и приготовилась увидеть защитную рану, но лоб и часть брови были заклеены пластырем. Девушка легонько дотронулась пальцами до брови и криво улыбнулась.

– Актерская карьера закончилась. С таким ужасом на лице мне разрешат участвовать лишь в театральных постановках где-нибудь на кладбище.

– А кто шил? – спросила Ольга.

– Уэбстер.

Ольга с облегчением вздохнула.

– Тогда успокойся. Джулиан Уэбстер – лучший пластический хирург в Британии. Посмотришь, шрам будет едва заметен. А хороший гример сделает его и вовсе невидимым.

– Но рана-то очень глубокая, – возразила Мадлен. – Тут ни одни волшебные руки не помогут. Ладно, что я могу сделать? Осталось только ждать. Идем пить. У меня сегодня в планах надраться вдрызг.

Они выпили целую бутылку. Мадлен спала рядом, свернувшись в калачик. Разбитый нос ее не работал, и она дышала ртом, иногда издавая во сне хриплые, сопящие звуки. Ольга не могла уснуть. Она представляла, как Марвин зверски избивает эту девочку. О господи, что же

делать? Забирать дочек и уезжать. Уезжать далеко. Туда, где нет таких людей, как ее муж и Марвин. Туда, где вообще нет мужчин.

Глава 4

Дэвид недовольно потянулся, услышав звук будильника, и надвинул на голову одеяло. Будильник продолжал трезвонить, раздражая своей настойчивостью. И так каждое утро в шесть тридцать. «Сломался бы ты, дружок», – Дэвид мысленно передал свою просьбу будильнику и нажал на кнопку, отключая его. Музыка замолчала. Дэвид вскочил с постели и опять потянулся. Стоя под теплыми струями душа, он вдруг понял, что напрасно поднялся в такую рань. Он выплюнул набежавшую в рот воду и громко фыркнул. Это же каким кретином нужно быть! Подняться в воскресенье в половине седьмого, чтобы ехать на работу! Жаль, что рядом нет Аманды, она еще с вечера отключила бы будильник, позаботившись о сладком утреннем сне. Дэвид мысленно прикинул, сколько раз еще он будет просыпаться без нее. Не то чтобы он соскучился. Хотя как по-другому можно назвать то, что он ждет ее возвращения? Возможно, он уже не любит ее так, как в самом начале, но с ней было по-прежнему хорошо и удобно, она все так же веселила его, и секс оставался столь же привлекательным, как и ранее.

Да, он мало уделял ей времени. Но Аманда всегда умела занять себя сама. И, кроме того, она знала, что он часами пропадает в офисе, зарабатывая деньги, а не убегает от нее, прикрываясь неотложными делами, чтобы провести время с другими женщинами, не такими привередливыми в своих запросах. Впрочем, Аманда не так уж много просит. Всего лишь внимания. Ах да! Еще и ребенка. Но, черт возьми, она с самого начала прекрасно знала, что он не желает иметь детей! Это было его твердое решение, не допускающее никаких возражений. Она соглашалась до определенного момента. Потом вдруг ей понадобилось обручальное кольцо и подгузники. Дэвид не против женитьбы, но Аманда считает, что брак без детей – это пустой фарс. «Семья не может быть однобокой, а мужчина и женщина не в состоянии сделать ее полной, не имея ребенка, – говорила она. – В этом случае бездетные муж и жена ничем не отличаются от обычных любовников, отношения которых не скреплены брачными обязательствами. Они все так же свободны, ведь кроме общей спальни и совместных ужинов, их ничто не связывает». Дэвид внимательно слушал жаркие высказывания Аманды, глаза его при этом светились пониманием, но в душе он считал ее доводы неубедительными. Ему не нужен ребенок, чтобы ощущать единство с любимой женщиной. Ни один мужчина не нуждается в орущем младенце, чтобы прочувствовать всю полноту отношений с той, с кем делит свою постель.

В очередной раз назвав его эгоистом и жалким собственником, Аманда забрала вещи и переехала к родителям в Нью-Йорк. Дважды он летал к ней, уговаривая вернуться. Она не сдавалась, демонстрируя горькую обиду. Тогда он просто перестал ее беспокоить. Как и большинство женщин, действующих сгоряча, Аманда поняла, что перегнула палку и рано сожгла мосты. Она попыталась наладить отношения. Сначала это были маленькие сообщения, в которых она просто справлялась о его делах и здоровье. Вскоре они переросли в ежедневные звонки с полным отчетом о прошедших часах. Аманда выбросила белый флаг, осознав наконец, что если хочет прожить с ним всю жизнь, то ей придется смириться с некоторыми его требованиями, а именно – без претензий принимать его постоянное отсутствие, связанное с бесконечными делами, и оставить мысли о пухленькой дочери с голубыми бантами.

Аманда должна вернуться через месяц, как только уладит дела в Нью-Йорке. Дэвид с некоторым сомнением оглянулся на прошедший год, проведенный без нее. Так ли ему было плохо и правильно ли будет вновь возобновлять эту связь? Его устраивала свобода, которой он пользовался последние месяцы. Впрочем, живя с Амандой, он никогда не ощущал каких-либо обязательств по отношению к ней и не чувствовал себя скованным совместной жизнью.

Дэвид вдруг весело улыбнулся. Если Аманда не считает брак без детей браком, то замуж ее он звать не станет. Обломится ей обручальное кольцо, белое платье и хор мальчиков в

церкви. Отныне и всегда ее будут называть подругой и любовницей Дэвида Марстона, но никак не женой.

Дэвид достал рубашку из шкафа и джинсы. Сварил себе крепкий кофе и прошел в кабинет, одновременно служивший библиотекой и комнатой отдыха. Аманде сюда запрещалось входить. Разве только для того, чтобы принести ему кофе и пожелать спокойной ночи, перед тем как лечь одной в постель. Право на свой собственный угол он перенял от отца. Каждый обитатель огромного особняка, в котором прошло детство Дэвида, знал, что в небольшую комнату на первом этаже входить категорически запрещено. Мало того, запрет оказался настолько действенным, что все домочадцы старались не дышать, проходя мимо темной дубовой двери. Когда Дэвида никто не видел, он останавливался в коридоре и прислушивался к тому, что происходит в этой запретной зоне. Он прикладывал ухо к гладкой деревянной поверхности, но за дверью стояла тишина. Только его сердце бешено стучало от страха быть обнаруженным. Он мечтал, что, когда вырастет, будет иметь свою тайную комнату. Так в квартире появился кабинет, где он проводил почти все свое время. Здесь он работал, здесь отдыхал, здесь он практически жил. Аманда ненавидела эту комнату, как ненавидела все, что связано с работой Дэвида.

Он был одним из ведущих специалистов компании, занимающейся банковским обслуживанием частных и юридических лиц. Отдел, который он в скором времени надеялся возглавить, занимался инвестициями. Конечно же, эта должность не являлась конечным пунктом в его карьере и не была пределом его мечтаний. У мальчика из богатой и уважаемой семьи, растущего в роскоши и удовольствиях на Мэйфэр-стрит, познавшего вкус денег и власти с самого детства, порог желаний гораздо выше, чем у какого-нибудь парнишки из Паддингтона. В свои тридцать два он уже имел то, что многим не удалось бы заработать за несколько жизней: квартиру в Белгравии, спортивный автомобиль, обошедшийся ему в сумму с пятью нулями, немаленький счет в банке и блестящие перспективы в британской финансовой группе.

Как странно получилось: честолюбие стало одним из главных его достоинств и в то же время самым существенным недостатком. Он стремился к почетному положению в обществе, не желая быть только сыном своего отца – в прошлом известного юриста и политика, а ныне богатого и уважаемого человека. Дэвид не хотел превзойти отца, он лишь желал быть оцененным за свои заслуги. Это стремление во что бы то ни стало выделиться и заработать собственную репутацию, не связанную с отцовским авторитетом, Аманда называла болезненным и маниакальным желанием удовлетворить свое чрезмерное самолюбие.

Дэвид понимал, что ему нечего доказывать ни отцу, ни окружающим, и все же не мог остановиться. Как и не смог избавиться от юношеского максимализма. В нем по-прежнему осталась та крайность во взглядах и требованиях, которой он отличался в молодости. Именно эта напористость и неудержимость продолжали двигать им, поднимая все выше и выше в достижении целей. В компании считалось, что Дэвида невозможно одолеть и он способен выиграть любую битву. Поэтому все были осторожны, сталкиваясь с ним по работе, старались не провоцировать его. Это же касалось и женщин: ни одна из них не могла переиграть Дэвида Марстона. Даже Аманда, забывшая на время о том, с каким человеком живет, и попытавшаяся перетянуть одеяло на себя, поняла, что проиграла. Никто и ничто не могли изменить его принципов и убеждений.

Дэвид подумал о светловолосой женщине, которая через месяц должна вернуться в его жизнь, и поймал себя на мысли, что не помнит цвета ее глаз. Он усмехнулся своей забывчивости и принялся лихорадочно копать в памяти. Наконец сдался, потянулся к столу, где в нижнем ящике хранил их общее фото. Он никогда не держал рамок с фотографиями на столе. Эти застывшие картинки раздражали его навязчивым напоминанием о прошлом. Дэвид посмотрел на улыбающееся лицо своей подруги. Когда же была сделана эта фотография? Ах да. В день их какой-то там годовщины. Аманда всегда была привязана к датам, чем сместила Дэвида. Он считал, что ни одна цифра не может быть сильнее чувств, но Аманде ничего невозможно было

доказать. Она обижалась, если он забывал, когда впервые поцеловал ее, и не дарил в этот день цветы. У него начисто стерся из памяти момент их знакомства, зато он хорошо помнил, какой формы были ее коленки и как она стонет в койке.

Дэвид пристально вгляделся в застывшее в лучистой улыбке лицо Аманды. У нее зеленые глаза. Черт! Как можно не помнить цвет глаз у девушки, с которой прожил почти три года? Хотя за время отсутствия Аманды в его жизни и постели перебивало столько женщин, что можно было забыть не только цвет глаз любимой, но и не вспомнить, как она выглядит. Любимой? Нет, не любимой, а удобной. Девушка из хорошей семьи, красивая, образованная, не особенно требовательная – она полностью его устраивала. С Амандой было легко и просто, не считая тех моментов, когда в ней просыпалась тяга к материнству. Родители считали их хорошей парой и надеялись на скорый союз. Но Дэвид обманул их ожидания. Похоже, старикам не придется нянчить внуков, о которых они втайне мечтали. Никаких детей.

Дэвид взял телефон и набрал номер своего единственного друга. На звонок никто не ответил. Дэвид посмотрел на часы. Восемь утра. Конечно же, в это время Эдди еще спит, восстанавливаясь после какой-нибудь загульной субботней вечеринки.

– Харрис, – наконец раздался в трубке сонный голос.

– Предлагаю позавтракать где-нибудь в Сохо, – без всяких приветствий и пожеланий доброго утра сказал Дэвид.

– Где-нибудь в Сохо? – голос стал намного бодрее. – А, может, где-нибудь в Копенгагене? Говори конкретнее.

Дэвид назвал кафе.

– Встречное предложение. Иди ты на хрен, Дэвид! Сейчас еще ночь. Какой завтрак? Давай пообедаем или, того лучше, поужинаем. Согласен даже заплатить, лишь бы ты сейчас же положил трубку.

– Возражения отклоняются. Уже восемь утра. Солнечно и тепло.

– Тоже мне, метео ТВ...

– Выгоняй красотку, которая дышит тебе в ухо, – перебил Дэвид недовольно ворчащего Эдди. – Прими душ и выпей кофе. Встречаемся в десять.

Кладя трубку, Дэвид все еще слышал сердитое бормотание друга. Он представил себе, какими эпитетами его сейчас кроет Эдди, и это окончательно подняло ему настроение. Как же замечательно, когда рядом есть друг, способный скрасить медленно тянущиеся часы воскресного утра! Правда, друг в этот момент ненавидит его больше, чем кого-либо в Великобритании.

* * *

– Тэнди, просыпайся. – Эдди потряс за плечо спящую рядом женщину. – Иди свари нам кофе.

– Какой кофе? – Девушка повернулась к нему и убрала волосы, упавшие на глаза. – Не хочу я кофе. Я хочу спать!

Ища очки, Эдди пошарил рукой по тумбочке, нацепил их на нос и посмотрел в заспанное лицо любовницы.

– Без очков ты выглядишь симпатичнее, – хмыкнул он.

– Да пошел ты! – Тэнди сверкнула глазами и отвернулась, предварительно натянув на себя одеяло.

Эдди поцеловал ее в затылок и спустился ниже, проведя пальцами по теплой коже.

– Отстань от меня. – Она недовольно дернулась, задев локтем очки, которые больно ударили его по переносице.

– А-а, – застонал Эдди.

– Прости, прости меня. – Тэнди мгновенно сменила гнев на милость, стала его целовать.

– Надо срочно принимать меры, иначе я ослепну, – со стоном произнес Эдди. – Меня спасет лишь быстрый десятиминутный секс. Давай представим, что ты – сестра милосердия, которая спасает смертельно раненного на поле боя солдата.

Тэнди засмеялась, откинула одеяло и прижалась к его тощей груди. Эдди знал, что за этими удовольствиями непременно последует просьба, в которой он не посмеет ей отказать. За такие развлечения необходимо расплачиваться, как, впрочем, и за все приятное, что происходит в жизни. Девушки, подобные Тэнди, никогда не обратили бы внимания на Эдди Харриса, если бы не дело, которым он занимался. Вернее, не сама работа была привлекательной для дам, награждающих его ласками. Гораздо больший интерес для них представляли знакомства, приобретенные благодаря ей.

Эдди Харрис был репортером «Стар Миррор». Газета специализировалась на сенсациях из личной жизни знаменитостей. Эдди знаком со множеством папарацци и известными журналистами. В число его приятелей входили люди, связанные с миром моды, кино и телевидения, что и делало этого тощего, непривлекательного молодого человека интересным в глазах начинающих актрис, моделей и просто красивых женщин, желающих узнать как можно больше о мире, манящем их своей недоступностью. Эдди до чертиков надоело, что только этим он может привлечь внимание женщин, которым не было дела до его тонкого чувства юмора, веселого нрава и других достоинств. А ими он был наделен в большей степени, чем все картинные красавчики, о которых Эдди писал. Приятный собеседник, с прекрасными манерами, нежный и внимательный – все это не ценили женщины, глядевшие с небрежной улыбкой на его узкие плечи, тонкое лицо и светло-карие глаза. Но стоило только сказать о том, чем он занимается, упомянуть о людях, с которыми он знаком, как отношение дам резко менялось. Интерес к худому очкарику увеличивался пропорционально количеству известных людей, с которыми ему довелось работать.

Уложившись ровно в десять минут, Эдди быстро вскочил с кровати и, не говоря ни слова, направился в ванную. По его виду Тэнди мгновенно поняла, что ей пора уходить. Она растерянно натянула на себя кофточку и прошла в кухню. Быстро заправила кофемашину, подготовила чашки и села за столик, ожидая возвращения Эдди. Она с интересом осмотрелась. И в книжках, и в кино журналистов представляют неряхами, безразличными к окружающей их обстановке. Эдди нельзя было таким назвать. В его небольшой квартирке царили порядок и уют. Тэнди обратила внимание на цветы, стоящие на широком подоконнике, и удивилась, что они живые. Мужчины, считала она, не способны за чем-то или за кем-то ухаживать. Ее последний бойфренд все время забывал покормить кота, который за время ее отсутствия превращался в спортивный велосипед, так отчетливо просматривалась каждая косточка. А тут цвели пушистые фиалки, явно довольные своей жизнью. Она налила себе кофе и задумалась, не заметив появления Эдди. Он стоял в дверях и весело смотрел в лицо девушки, на котором читалось недоумение, смешанное с удивлением. Ее мнение о нем менялось, и очень быстро, в этом Эдди не сомневался, как и в том, что чудесная ночь с ней была первой и последней в их коротких отношениях.

Эдди сел напротив и налил себе кофе.

– Завтра я позвоню Арчи по поводу твоих съемок, – сказал он.

Арчи Лоренс был молодым, но очень известным фотографом, к которому в очередь выстаивались знаменитости, мечтающие иметь в своих альбомах его работы.

Тэнди покраснела от тона, которым Эдди произнес эту фразу, и кивнула.

– А я позвоню тебе. Можно? – мягко попросила она.

– Хорошо, – согласился Эдди.

– Что ты делаешь сегодня?

– Сегодня я буду занят. Видишь ли, в отличие от занятий сексом, работать я предпочитаю в одиночестве.

– Если я правильно поняла, то на этом все закончится.

Тэнди внимательно посмотрела на него. Она надеялась, что Эдди опровергнет ее предположение. Расчеты не оправдались. Эдди утвердительно кивнул:

– Да, ты права.

Тэнди молча допила свой кофе, так же молча оделась и, уже подходя к двери, злобно бросила:

– Харрис, ты – циничный подонок!

– Только я? Мы оба получили то, чего желали. Ты – Арчи, я – секс.

– Я еще ничего не получила, кроме головной боли и испорченного настроения.

– Могу предложить таблетку аспирина. А по поводу исполнения желаний – я всегда выполняю то, что обещал.

Эдди поцеловал ее в щеку и захлопнул дверь.

«Да, я – циник, – думал он. – И мне это нравится». Находишься здесь Дэвид, он долго смеялся бы над последней фразой Тэнди. Дэвид считает, что Эдди – законченный романтик, который старается спрятать свою чувствительную натуру под ядовитым взглядом и едкими высказываниями. Но именно благодаря этой маске Эдди и добился столь впечатляющих успехов в «Стар Миррор». Знаменитости боялись его острого языка и нелестных отзывов, лебезили перед ним, лишь бы не быть упомянутыми в его статьях. А редакторы, наоборот, обожали его, потому что благодаря разносам, которые он устраивал звездам, газета раскупалась, как сахарная вата на ярмарках. Однако эта деятельность давно надоела Эдди. Не об этом он мечтал, учась в колледже. В те дни Дэвид поддерживал его стремление стать ведущим репортером «Дейли Телеграф» – одной из наиболее влиятельных газет в стране. Дэвид даже предлагал обратиться за помощью к своему отцу. Эдди отказался, решив добиться всего собственными силами. Сейчас он сожалел о том, что не прибегнул к помощи. Если бы не гордость, он уже работал бы над серьезными темами, а не подглядывал за развращенными celebrity.

Эдди подошел к рабочему столу и стал разбирать бумаги. До встречи с Дэвидом оставалось еще много времени, поэтому он решил поработать над материалом, который наконец сделает его известным не как автора легкомысленных статей в бульварной газетенке, а как серьезного журналиста, поднимающего важные вопросы общественной жизни. Конечно, тема его новой работы перекликается с тем, чем он занимается ежедневно, но она произведет взрыв, который многих заденет. И хотя идея сама по себе не свежая и касается давно наевшей оскмину проституции, все же имена, которые он намеревается упомянуть, заставят многих хмурить лбы в негодовании. Сварить в одном котле тех, кто продает себя, и тех, кто успешно торгует этим красивым товаром, добавить в виде приправы имена людей, пользующихся услугами проституток с известными во всем мире именами, – вот бомба и готова. А что? Пусть общественность знает, чем на самом деле занимаются некоторые из тех, кому поклоняются, кого ежедневно видят в журналах, о ком жадно ловят любые новости. Не ново, зато какой резонанс у публики вызовет его статья, рассказывающая о реалиях «звездного мира»! Все это он подкрепит железными фактами, потому что после публикации на него посыплются судебные иски, как, впрочем, и деньги, которые он за эту статью получит. Но не деньги интересовали Эдди. В первую очередь перед глазами маячила слава жесткого репортера, который не стесняется рассказать правду, сколь бы неприглядна она ни была.

Но фактов не хватало. На руках были лишь немногочисленные рассказы девочек, попавших в переплет в погоне за счастьем, истории, услышанные вскользь от людей могущественных и поэтому осмотрительных. Эдди не унывал. Он точно знал, к чему идет, знал, что работа предстоит опасная и тяжелая. Это его не пугало, он боялся лишь того, что навсегда останется жалким зубоскалом, который полощет грязное белье знаменитостей.

За работой Эдди не заметил, как быстро пробежало время, он опаздывал на встречу с Дэвидом. Быстро отложив бумаги в сторону, он схватил куртку и выбежал на улицу...

Эдди увидел друга за столиком у стены, сидящего в окружении нескольких симпатичных дамочек. Дэвид всегда нравился женщинам, они не могли мимо пройти, не привлекая его внимания. То улыбнутся кокетливо, то поздороваются, надеясь, что он их заметит, а то и наглым образом вешаются на шею, готовые немедленно отправиться к нему в постель. И самое главное, догадывался Эдди, это делается не ради того, чтобы получить от него какие-либо блага. Женщин привлекала мужская сила, сквозящая в каждом движении Дэвида, и, безусловно, приятные черты лица в совокупности с тренированным телом. Словом, в Дэвиде было все, за что женщины любят мужчин, и то, чего так не хватало Эдди. В юности, видя, как Дэвиду легко удается уговорить девушку провести с ним ночь, Эдди отчаянно злился. Сам он постоянно терпел с противоположным полом фиаско, и легкие победы друга заставляли его испытывать черную зависть.

Сейчас Эдди невесело улыбался, вспоминая дни их юности. Он во многом неправильно оценивал Дэвида, но в этом не было его вины. Многие с трудом верили в искренность их дружбы. Что могло быть общего у этих разных парней? Порой Эдди обвиняли в корысти, думали, что он находится рядом с Дэвидом Марстоном только потому, что у того есть деньги. «Люди часто оценивают поступки других по тому, как поступили бы сами. Многие во главу угла ставят деньги, для этих людей не существует понятия искренности. Такие люди не способны на настоящую дружбу, они во всем ищут пути к наживе. Жадность владеет ими, лишая самого главного, чем может наградить жизнь, – им не дано иметь друзей». Так Дэвид изложил свое отношение к тому, что говорят другие относительно мотивов их дружбы. Социальные и материальные различия не имели для Дэвида значения, он ценил в Эдди простоту взглядов, живой ум и веселый нрав. Их дружба продолжалась уже более десяти лет. Порой они раздражали друг друга, злословили по этому поводу, могли неделями не видаться, а могли, наоборот, каждый вечер встречаться, чтобы поиграть в бильярд, пропустить по паре бокалов виски либо искать новых приключений в многочисленных клубах Лондона.

Эдди оценивающе посмотрел на девушек за столиком, где только что сидел приятель. Они явно скучали и выглядели обиженными, потому что Дэвид, не задумываясь, оставил их и пересел в другое место, даже не поинтересовавшись, хотят ли они составить ему компанию.

– По какому поводу завтрак? – улыбнулся Эдди.

– Аманда решила вернуться. – Дэвид внимательно изучал меню.

– А-а, – протянул Харрис, понимая, что этим злит Дэвида. – Шампанское закажем?

– Эдди, твою мать!

– Ну, а что ты хотел от меня услышать? Поздравления? Соболезнования? Каких именно комментариев ты ожидаешь? Могу сказать, что рад за тебя, ты же так стремился ее вернуть. Нет, не то? Тогда мне жаль. Тебе придется жить с женщиной, которая способна затрахать мозг любому.

Дэвид отложил в сторону меню и посмотрел на Эдди. Ему давно было предельно ясно, как тот относится к Аманде. Впрочем, нелюбовь была обоюдной.

– Я не спрашивал твоего совета, – сказал он. – Просто констатировал факт. Аманда возвращается. Она хочет все начать с начала. Впрочем, я еще не...

Эдди хмыкнул.

– Впрочем, ты еще не решил, стоит ли повторять попытку, – закончил он.

– Почему? Я уже все решил. – Дэвид отвернулся к окну.

– Понятно. Давай сделаем заказ, на нас уже косо официантка смотрит. Да и жрать охота. Он достал телефон и снова посмотрел, нет ли пропущенных звонков.

– Что-то ты сегодня дерганый какой-то, – заметил Дэвид. – От кого ждешь звонка?

– От одной знакомой. Она пропала неделю назад. Никак не могу до нее дозвониться, трубку не берет. И сама не перезванивает.

– Новая пассия? – улыбнулся Дэвид.

– Нет, – отмахнулся Эдди. – Просто хорошая подруга.

– Не хотим рассказывать. Значит, дамочка представляет особый интерес, – заключил Дэвид. – Давай говори. Кто такая? Я с ней знаком?

– Ох, как у тебя язык развязался, стоило только упомянуть о женщине, которая мне нравится!

– Так у тебя все же есть к ней интерес? – улыбнулся Дэвид, заметив, как начинают краснеть щеки Эдди.

– Какое тебе дело до моих дамочек? Тебя не должны интересовать женщины! Ты же теперь принадлежишь одной Аманде. Забыл, какая она ревнивая? Я напому...

– Прекрати. – Дэвид подозвал официантку и сделал заказ за двоих. – Так кто она, дама твоего сердца?

– Мадлен Адамс. Видишь, это имя тебе ни о чем не говорит. Она моя давняя знакомая. Ничего не было, – быстро добавил он, предупреждая вопрос, который должен был последовать за последней фразой.

Принесли кофе и блинчики во фруктовом сиропе. В отличие от Дэвида, Эдди не любил сладкое, он отставил свою тарелку в сторону и взял в руки чашку с ароматным кофе.

– Приличный кофе, – сказал он, сделав глоток.

– Так как будем проводить время, отведенное мне господом до приезда Аманды? – спросил Дэвид.

– По-твоему, из нас двоих я – генератор идей? – усмехнулся Эдди.

Дэвид утвердительно кивнул и добавил:

– Раньше ты прекрасно справлялся с этой обязанностью.

– Тогда мне необходимо пролистать свои записные книжки. – Эдди с заговорщицким видом прищурил левый глаз. – В них порой всплывают давно забытые, но очень интересные имена.

Глава 5

– Мистеру Демпси больше нравятся блондинки, – томным, с придыханием голосом сказал невысокий мужчина, стоящий перед Марвином Роузом.

Он держал в руках большой альбом, открытый на той странице, где в соблазнительной позе была изображена одна из самых красивых женщин агентства – Мадлен Адамс. Марвин прикрыл глаза и сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. Этот сорокалетний педераст с ухоженной кожей, откорректированными бровями и отполированными ногтями обычно смешил его потугами на роль всезнайки, но сегодня раздражал. Луиджи, так звали молодящегося гомосексуалиста, являлся лучшим имиджмейкером агентства, поэтому многое себе позволял.

– Я всего лишь высказываю свое мнение, – начал он. – Если вам, мистер Роуз, это неинтересно, то мне придется предложить свои услуги другому работодателю.

– Я дам тебе прекрасные рекомендации, – сказал Марвин.

Подобный разговор случался всякий раз, когда они выбирали девочку очередному клиенту. Эта процедура всегда проходила в присутствии Луиджи, который разбирался не только в красоте мужских задниц, но и прекрасно знал вкусы многочисленной клиентуры агентства. Луиджи достал из заднего кармана туго обтягивающих его пухлые ноги джинсов пачку сигарет, медленно прикурил и выпустил тонкую струйку дыма в сторону Марвина.

– Мне тоже известен размер груди, который предпочитает Демпси. – Марвин взял в руки альбом. – И я знаю, какого цвета должны быть волосы у девушек, с которыми любит спать министр.

– Что ж, – Луиджи кокетливо ткнул пальцем в фото девушки, – тогда ты должен понимать, что Мадлен Адамс – наилучшая кандидатура для нашего привередливого клиента.

– Я понимаю. – Марвин на мгновение замаялся. – Но мисс Адамс уже ангажирована.

– Кем? – Луиджи быстро заморгал.

– Клиентом из Саудовской Аравии, – осторожно ответил Марвин, стараясь не возбудить своим тоном подозрений у дотошного Луиджи.

– Мне об этом ничего не известно...

– Только не говори, что я должен во всем перед тобой отчитываться!

Марвин сегодня был не в духе, и Луиджи решил как можно скорее закончить этот грозящий перерасти в ссору разговор и ретироваться из кабинета.

– Хорошо, тогда нам нужно выбрать другую спутницу для мистера Демпси, – примиряющим тоном произнес он. – Предлагаю Алисию. Хотя нет. Она слишком высокая для министра. Тот любит девушек небольших и изящных. Жаль, конечно, что мисс Адамс занята. Она ведь любимица Демпси, и он часто заказывает именно ее. Думаю, что лучше всего подходит Мари, – Луиджи остановил взгляд на белокурой нежной девушке, мягко улыбающейся им со страницы альбома. – Она даже чем-то похожа на Мадлен.

Услышав в очередной раз это имя, Марвин быстро поднялся с кресла, сунул в руки Луиджи альбом и подтолкнул его к двери.

– Свободен.

– Но, Марвин, – возмутился Луиджи, – мы же не стиральную машину выбираем. Все гораздо серьезнее. Здесь нельзя ошибиться, ты же понимаешь. У мистера Демпси довольно сложные вкусы. Мы не можем предложить ему некачественный товар. Ты лучше, чем кто-либо, знаешь достоинства девочек нашего агентства. Без твоей помощи в этом вопросе мне не справиться.

– Напекаешь на то, что я спал со всеми этими шлюхами?

– Почему намекаю? Прямо говорю. Ты же пробуешь каждую, прежде чем предложить ей работу.

Марвин злобно посмотрел в простодушное лицо «педика», который явно вознамерился вывести его из себя, и указал на дверь.

– Сам выбери, кого отправить министру, – сказал он. – Сообщишь о своем решении позже. У меня болит голова, и я больше не могу слушать твою болтовню.

– Если будешь продолжать так же много принимать внутрь, то у тебя откажет не только голова, но и все остальное. А в первую очередь печень, – бросил через плечо Луиджи и скрылся в коридоре.

Марвин подошел к барной стойке и налил себе виски. Вот уже несколько дней, как его мучило неприятное ощущение, проявляющееся в необъяснимом волнении. Оно вызывало дикое недовольство окружающим, заставляло Марвина злиться без причины и срывать на всех, кто имел неосторожность оказаться рядом. Разговор с Луиджи добавил последнюю каплю в и без того переполненную злобой душу Марвина, а упоминание о Мадлен привело его в неопишное раздражение. «Какая разница этому «педик», где и с кем она находится? В агентстве полно бабенок намного красивее, чем эта истеричная сучка», – размышлял Марвин, подливая себе виски. Он вспомнил тот вечер, когда избил девушку. Ничего бы не случилось, если бы эта дрянь не проявила свой характер. Чтобы какая-то шлюха, рекламирующая йогурт и приторговывающая своими прелестями, подняла на него руку? Марвин сорвался: он жестоко избил ее и вывел из строя как минимум на полгода. Ладно, в этом нет ничего страшного. Такого товара, как Мадлен, полно в Лондоне, и на ее место можно найти десяток шлюх.

Это он и заявил своему боссу Рою Гессу, который решил узнать, куда пропала мисс Адамс. Марвин поежился, вспомнив, как яростно заблестели глаза мистера Гесса. Тот ничего не сказал, но по его мрачному молчанию Марвин понял, что ему вынесено последнее предупреждение. Роуз ожидал наказания. К счастью, его не последовало. Гесс лишь велел выплатить мисс Адамс кругленькую сумму и вычеркнуть ее из списка предлагаемого товара. Марвин решил, что «сладкой девочке» Мадлен после выздоровления будет предложено место в постели самого босса. Везет сукам!

А вот Марвину Роузу не везло с самого детства. Мало того, что он родился в курятнике на самой окраине Ипсвича, судьба вдобавок раскрасила веснушками его и без того непривлекательное лицо и вовсе обделила обаянием. Зато наградила невероятным честолюбием, упрямством и отсутствием каких-либо моральных устоев. Благодаря этим качествам Марвин и добился того положения, которое ныне занимал.

Марвин снова вспомнил о Мадлен. Страх, который он видел в глазах девушки, заводил его. Даже кровь на ее прекрасном лице заставляла испытывать желание. Красавица-немка сейчас восстанавливалась в клинике «Вирджиния Голд». По иронии судьбы там же приходила в себя после попытки самоубийства Ольга де Койн. Марвин знал, что Ольга наглоталась таблеток после того, как он посетил ее спальню. Долго он ждал случая опробовать баронессу. Ни одну женщину он не желал так сильно, как эту холодную и высокомерную русскую. Ее образ намертво закрепился в его голове и терзал своей недоступностью. Марвин до мельчайших подробностей помнил ее лицо. Он часто рассматривал фотографию Ольги, неизменно хранившуюся в его столе. Не проходило ни дня, чтобы он не вглядывался в снимок женщины. Всех своих девиц он заставлял примерять темный парик, чтобы сделать их хотя бы немного похожими на баронессу, приглушал свет и накачивался алкоголем. В полумраке спальни, в приятном тумане опьянения ему казалось, что это Ольга находится с ним. Марвин закрывал глаза, представляя, как она тонкими пальцами касается его кожи. Потом алкоголь переставал действовать, и Марвин медленно возвращался в реальность, обнаруживая, что рядом с ним не желанная баронесса де Койн, а одна из шлюх из его агентства. Их лица казались ему карикатурными в обрамлении темных волос, они раздражали своей доступностью и развратностью.

Марвин осознавал, что пытается обмануть себя, это приводило его в ярость, и он выплескивал свой гнев на любовниц.

Садистские наклонности не мешали Марвину Роузу быть прекрасным руководителем модельного агентства, известного далеко за пределами Великобритании. Это понимали и владельцы агентства, предпочитающие всегда находиться в тени. Ловкий и корыстный Марвин талантливо управлял огромным коллективом, деятельность которого приносила миллионы фунтов стерлингов. Марвин знал, что Гесс не отстранит его от занимаемой должности, потому что заменить его будет некому. Не станет же Гесс лично встречаться с клиентами, покупающими прекрасных моделей, актрис и просто красивых женщин, которых находил Марвин? Или, может, Гесс решится предложить эту работу Кристиану де Койну? Вряд ли. Конечно же, благодаря Кристиану картотека агентства регулярно увеличивалась и расширялся круг клиентов. Но Гессу было хорошо известно, что барона, кроме кокаина, покера и женских прелестей, ничто не интересует. Блестящий развратник, но бездарный бухгалтер, он пустит все средства агентства на ветер, они растворятся так же быстро, как исчезли деньги, доставшиеся ему в наследство.

Марвин вспомнил последнюю игру Кристиана, вернее долг, который ему надо было выплатить. Барону была дана всего одна неделя, чтобы собрать необходимую сумму. Вместо того чтобы продать драгоценности матери, Кристиан решил выставить на торги жену. Марвин сразу же согласился, услышав предложение де Койна: по его мнению, Ольга стоила тех денег, которые за нее просили. В ту ночь он не получил желаемого удовольствия. Поначалу Ольга яростно отбивалась, потом, поняв, что не может с ним справиться или разжалобить, безжизненно обмякла. Она не издала ни стона, лицо ее казалось каменным. Сучка, и здесь она его переиграла! Осталась такой же недоступной и далекой.

Марвин так глубоко задумался, что не сразу услышал телефонный звонок. Высветился номер, по которому звонил только Гесс. Не здороваясь, босс сказал, чтобы деньги и документы Марвин отвез Кристиану сегодня же. После этой фразы в трубке послышались короткие гудки. Повелительный тон Гесса окончательно вывел Марвина из себя. Он едва удержался, чтобы не бросить трубку в стену. Налив себе еще виски, он подождал несколько минут, пока злость уйдет, и, вызвав секретаршу, приказал приготовить машину. Марвин всегда пользовался служебной машиной, когда отвозил деньги Кристиану. Ежемесячно он передавал барону де Койну кейс, туго набитый сотенными купюрами, иногда к ним прилагались компрометирующие документы, которые легко могли разрушить карьеру и жизнь многих высокопоставленных чиновников, бизнесменов и других мужей, славящихся на всю страну своей добродетельностью и высокой нравственностью.

Марвин достал из небольшого пакета фотографии, с безразличием просмотрел на лица, запечатленные на них. Глупые мужики погорели на своем сладострастии. Вот, например, министр Демпси. Всего лишь одно фото, где он обнаженный тискает юную польку, и карьера спущена в унитаз, от репутации останутся одни лохмотья. Газеты были бы необычайно рады получить эти фотографии. Марвин усмехнулся предусмотрительности и расчетливости босса, ведь тот такими снимками держал в руках сильных мира сего. Но он был уверен, что Гесс еще ни разу не пользовался подобным компроматом.

В дверь постучали. Вошла секретарша и сказала, что машина ожидает его у входа. Марвин взял в одну руку кейс, в другую – пакет с фотографиями и вышел в коридор.

Модельное агентство «Астрей», возглавляемое Марвином Роузом, занимало два этажа одной из многочисленных высоток в Вест-Энде. Поначалу места здесь всем хватало. Но со временем численность персонала значительно увеличилась. Рой Гесс уже поручил своим людям найти новое просторное помещение, готовое вместить в себя администрацию, бухгалтерию и юридический отдел, прочий обслуживающий персонал и, конечно же, девочек, благодаря кому это агентство существовало.

Хвала господу, который придумал и воплотил в жизнь мечты миллионов мужчин! Великий Боже, ты материализовал тайные желания сильной половины человечества в длинных ногах моделей, в упругих бюстах и обольстительных губах томно улыбающихся актрис, соблазнительной походкой проходящих по коридорам «Астрей». Именно благодаря многочисленным достоинствам этих красавиц, их стремлению стать знаменитыми, агентство приобрело славу наиболее известной фабрики звезд в Старом Свете. Большинство девушек, улыбающихся прохожим с рекламных щитов, заманчиво глядящих со страниц глянцевого журналов, замерших в призывных позах на постерах мужских изданий, принадлежало «Астрей». Это было одно из самых богатых и влиятельных агентств Лондона. Сюда мечтали попасть все девочки, желающие получить титул самых красивых и сексуальных женщин мира.

«Астрей» действительно превращал своих питомиц в звезд первой величины. Конечно же, не всех. Лишь пятая часть девушек, занятых в агентстве, а то и того меньше, становилась объектами вожделения и зависти соперниц. Каждая девчонка, приходящая в «Астрей», понимала, что у нее есть только красивая мордашка и соблазнительное тело, но этого не достаточно для того, чтобы подняться на вершину лестницы. Каждая осознавала, что для продвижения вверх, кроме упорства и силы духа, необходимо нечто еще. И этим нечто была покладистость. Ибо только сговорчивость и уступчивость являлись залогом успеха. Именно эти качества определяли, насколько долгосрочной будет карьера. Любая красавица, едва переступив порог агентства «Астрей», начинала понимать это. И уровень ее известности был прямо пропорционален тому, насколько она принимала предлагаемые ей условия и насколько лояльно относилась к неформальной деятельности, которую осуществляло агентство.

Каждой девушке внушалось, что она должна оказать небольшую услугу агентству ради того, чтобы попасть в «звездный мир», куда так отчаянно стремилась. Это было ничтожной платой за все блага, которые можно приобрести благодаря статусу celebrity. И ни одна из этих юных и амбициозных особ не отказывалась от предложений Марвина Роуза. Он сразу заставлял усваивать всякую симпатичную куколку, сидящую перед ним, что заниматься можно чем угодно, если за это хорошо платят. Он прибегал к блестящим доводам, расписывал будущую прекрасную жизнь, а в конце разговора задавал вопрос: «Неужели от всего этого можно отказаться? Ты же не глупая девочка, – добавлял он. – Ты можешь получить все. Или решишься отказаться от блестящей карьеры только потому, что природа наградила тебя строптивостью и неуступчивостью? Поделись тем, что у тебя есть, и получи взамен то, чего не хватает».

Любую из питомиц агентства можно было ангажировать за определенную плату. Этим и занимался специальный отдел, который возглавлял Луиджи. В подчинении ухоженного гея находился десяток людей, отвечающих за бухгалтерию, юридическую сторону сего деликатного вопроса, за комфорт условий, в которых проходили встречи девиц и клиентов. Отдельное лицо занималось составлением картотеки клиентов, которая была тщательно зашифрована на случай непредвиденных обстоятельств. Лишь несколько человек знали истинные имена тех, кто заказывал приятные вечера и ночи в обществе самых красивых женщин мира. И только бухгалтеру, Марвину Роузу и Рою Гессу были известны суммы, получаемые агентством за подобные услуги. У каждой девочки была своя стоимость, которая зависела от ее статуса и внешней привлекательности. Часть этой суммы получала сама дама, остальные деньги принадлежали агентству. Естественно, эти финансовые операции не указывались ни в одном из отчетов, и их тайна тщательно охранялась.

О, этот подпольный бизнес приносил огромный доход. Проституция высшего класса всегда хорошо оплачивалась и за счет этого процветала. Сотни людей старались попасть в этот бизнес, чтобы нажить многомиллионные состояния, но лишь наиболее смелым и ловким удавалось проникнуть внутрь тайного сообщества, крайне подозрительно относящегося к новичкам.

Рой Гесс являлся владельцем агентства, но Марвин знал, что его должность была лишь номинальной. Настоящим хозяином был человек, имя которого никогда не упоминалось, но именно его власть и влияние являлись главной поддержкой «Астрей». Марвин попытался узнать, кто скрывался за маской «серого кардинала», но был одернут Кемденом, помощником Гесса, который предупредил его о последствиях излишнего любопытства.

Несмотря на всю порочность своей натуры, Марвин Роуз был талантливым руководителем, внимательным к мелочам, любящим во всем порядок. Крайне расчетливый и алчный, Марвин железной рукой управлял своим королевством. Он являлся вдохновителем деятельности «Астрей», все это принимали, в том числе и Гесс, недолюбливавший Марвина, но преклонявшийся перед его организаторскими способностями. Смекалка и наглость Марвина вывели агентство на новый уровень, что позволило Роузу ощущать себя важной птицей, которой многое позволено. Но каждый месяц, отвозя «левую» выручку Кристиану, Марвин испытывал раздражение по поводу того, что Гесс сознательно принижает его значимость, используя в столь деликатном деле абсолютно не нужных посредников. Почему он не может передать деньги напрямую? Почему всегда должен делать это через де Койна?

Именно об этом рассуждал Марвин, проходя по коридорам «Астрей» и неся в кейсе почти миллион фунтов стерлингов. Мысли его снова вернулись к фотографиям, которые стоили и того дороже, но он быстро одернул себя, понимая, что никогда не сможет использовать содержимое пакета. Ему хотелось жить, а кража документов означала бы верную и неминуемую гибель от рук Гесса, который никогда не прощает таких ошибок.

Глава 6

Ольга и Мадлен, смеясь и подшучивая друг над другом, играли в карты в номере баронессы. Они очень сблизились за короткий срок. Возможно, это явилось результатом того, что обе вынуждены были находиться в «Форс-мажор Хаусе», замкнутое пространство которого наводило тоску. А может, одиночество и боль притягивали их друг к другу. Каковы бы ни были причины, связавшие вместе этих непохожих женщин, Ольга ощущала радость от теплого дружеского общения. Ей было хорошо рядом с Мадлен. Порой она удивлялась необузданному темпераменту девушки, но вскоре привыкла к ее пылкости и энергичности. Синяки уже почти исчезли с лица Мадлен, и у Ольги наконец появилась возможность увидеть, какой на самом деле была девушка, с которой она проводила теперь все свое время. Хотя нос Мадлен был все еще опухшим и пластырь на брови искажал представление о ее внешности, Ольга видела в ней особую привлекательность. Мадлен не была красавицей в обычном понимании этого слова: ее лицо не отличалось идеальным овалом, а было скорее круглым; волосы тоже нельзя было назвать густой гривой, но они притягивали взгляд своей длиной и необычным золотым оттенком; рот был немного широковат, однако благодаря красивой форме смотрелся очень соблазнительно. Но самым главным достоинством этого милого лица являлись глаза – ярко-голубые, искрящиеся задором и весельем. Даже та ситуация, в которую попала Мадлен, не смогла изменить ее характер. Она продолжала оставаться такой же страстной и горячей, постоянно смеялась и не позволяла себе впасть в уныние. Рядом с безудержной Мадлен холодная и спокойная Ольга понемногу оттаивала.

Ольга не хотела уезжать из «Форс-мажор Хауса», зная, что за пределами его их отношения потеряют свою искренность. Лондонское общество умеет убивать подлинные чувства, заменяя их лживой подделкой и неуклюжей имитацией. Поэтому баронесса де Койн, никогда не имевшая подруг, наслаждалась общением с этой нехитрой и откровенной девочкой, смакуя каждую минуту.

В дверь постучали, и Мадлен, как испугавшаяся школьница, смахнула карты под покрывало. Вошел доктор Уэбстер, он сообщил, что к Ольге приехал муж.

– Вы можете прогуляться к реке. Я уже попросил, чтобы вам принесли туда чай и пирожные.

Ольга вежливо кивнула. Когда доктор ушел, она устало посмотрела на Мадлен, ожидая ее поддержки.

– Ольга, зачем тебе с ним встречаться? – спросила Мадлен, видя, что та не решается выйти из комнаты. – Пирожные, чай... У вас же не свидание влюбленных.

– Я скоро вернусь, – Ольга улыбнулась ей. – Не беспокойся за меня.

Она шла по тихому двору, говоря себе, что это будет последняя встреча с Кристианом. Решив сказать мужу, что уходит от него, Ольга призывала себе на помощь уверенность и спокойствие, она знала, что Кристиан не отпустит ее легко.

* * *

Высокий темноволосый мужчина стоял в беседке, без интереса наблюдая за медленным движением воды в реке. Природа наделила его эффектной внешностью, приводящей в восторг женщин. Многие хотели запрыгнуть к нему в постель, и многим это удавалось. Одна лишь жена была к нему холодна и безразлична.

Кристиан де Койн молча клял Ольгу за то, что она ненавидит его, и за то, что опаздывает. Уже почти час он ожидал ее прихода. Чай за это время успел остыть, он съел все пирожные, а Ольга так и не появилась. Наконец он увидел, как она спускается к беседке. Тоненькая и

изящная, странно изменившаяся за время, проведенное в клинике, Ольга вызвала в нем желание. Впервые за долгие годы Кристиан думал о ней, как о женщине, а не как о надоевшей особе, носящей титул баронессы. Он уже не любил ее, но все еще безумно желал.

Время словно потекло в обратном направлении, вернув его в те годы, когда Ольга работала в агентстве «Астрей». Кристиан не понимал тогда, почему эта русская красавица его игнорирует. Он, сын барона, владелец немалого состояния, терялся в догадках: отчего Ольга Соллер отказывает ему в том, что охотно продает другим мужчинам? Любопытство взяло верх, подсказав, что обладать этой женщиной он сможет, если предложит ей нечто большее, чем просто деньги. В деньгах Ольга не испытывала нужды, так как ее услуги высоко оплачивались. И тогда он решил сделать из нее баронессу. Барон де Койн дал Ольге то, что она не могла получить от других мужчин, но сам не приобрел ничего нового и интересного. Единственным плюсом их брака стало то, что у его дочерей появилась прекрасная мать.

С первой своей женой, матерью девочек, Кристиан познакомился во время учебы в университете. Она, как и все последующие его женщины, была очень красива. Кристиан был падок на женскую красоту, и легкомысленная, ветреная и думающая только о веселье Лола привлекла его горячим темпераментом и крайне соблазнительным телом. С ней было легко и интересно. Впрочем, этот интерес заключался только в одном – в сексе. И здесь Лоле не было равных! Развратная, лишенная каких-либо запретов, готовая испробовать в сексе все, что угодно, Лола сводила его с ума. После рождения дочерей Кристиан утратил к ней интерес. Он набаловался с ней, как с игрушкой, и забыл, когда на горизонте появилось нечто более интересное. Лола же стала убивать одиночество и постоянный сексуальный голод с помощью наркотиков и других мужчин. Однажды, вернувшись домой после очередного многодневного загула, Кристиан обнаружил ее мертвой. Лола лежала в постели, измазанная рвотой и испражнениями. Передозировка наркотиками – таково было медицинское заключение.

Эти воспоминания были неприятны Кристиану. Хотя не было ни одного дня в его жизни, который он мог бы назвать счастливым. Детство Кристиана было скучным и пустым. Он был не нужен родителям: мать занималась только собой, отец всецело был предан своей работе. Они оба занимались чем угодно, только не сыном. И Кристиан оказался предоставлен самому себе. Повзрослев и спасаясь от одиночества, он окружил себя множеством людей. Но все они, восхищавшиеся его красотой, не пытались понять, что у него внутри. В нем видели лишь сына французского барона, наследника большого состояния и прекрасного любовника. Женщины были готовы на все ради того, чтобы запустить руку ему в штаны.

Немногие знали, что Кристиан де Койн промотал все деньги, доставшиеся от отца, и продал семейный бизнес. Появились долги, и чтобы расплатиться с ними, он стал распродавать семейную коллекцию картин, старинную мебель из своих поместий. Затем ушли с молотка и сами поместья. В его собственности остались лишь особняк в Мерейфер, небольшой дом в Брайтоне и драгоценности матери. Впрочем, все вместе стоило немалых денег. Он избавился бы и от того немногого, что у него осталось, если бы не Рой Гесс, втянувший его в деятельность агентства «Астрей». Работа Кристиана заключалась в подборе новых девочек, стремящихся стать богинями в мире шоу-бизнеса, и в том, чтобы найти состоятельных клиентов, готовых расстаться со своими сбережениями ради какой-нибудь соблазнительной красотки. С этой работой он справлялся как никто другой. У де Койна был нюх на красивых женщин, не обладающих строгими моральными принципами. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы определить стоимость дамы, стоящей перед ним. Лишь однажды он ошибся, заплатив за женщину гораздо больше ее настоящей стоимости.

Ольга подошла к Кристиану и подала руку. Он молча поцеловал холодные пальцы. Холодные пальцы, не менее холодная душа. Она всегда была безразлична к нему. Именно ее равнодушие и безучастность вызвали его жестокость по отношению к ней. Кристиан закурил сигарету.

– Сколько ты еще здесь пробудешь?

Ольга с презрением посмотрела на него.

– Зачем ты интересуешься? Чтобы узнать, на какое число приглашать Марвина Роуза?

– Мы поговорим об этом дома, – сказал Кристиан.

В его голосе слышалась угроза, но это не испугало Ольгу. Не будет больше никаких разговоров, закончились издевательства и оскорбления. Все это осталось в прошлом.

– Я не вернусь домой. Разве что за вещами.

– Ты собираешься меня оставить? – рассмеялся Кристиан, но тут же замолчал, осознав, что Ольга не шутит. – Хочешь развода?

– А что тебя удивляет? Или ты думаешь, что я дорожу нашими отношениями? Тогда я тебя огорчу. Я презираю тебя, ненавижу и не желаю больше ни одной минуты оставаться твоей женой.

Кристиан от неожиданности растерялся. Ярость Ольги привела его в замешательство и в то же время вызвала восхищение. Она стала защищаться. Наконец-то перед ним достойный противник, а не кукла, готовая терпеть все удары молча.

– Адвокаты свяжутся с тобой...

– Ты серьезно? – Кристиан засмеялся. – Неужели, любовь моя, ты думаешь, что я дам тебе развод?

– Тебе ничего не остается, как согласиться, – спокойно ответила Ольга, понимая, что сейчас Кристиан попытается ее запугать. – Наш брак не имеет смысла, – продолжала она, предупреждая его попытку перехватить нить разговора. – Он изначально превратился в фарс. Признайся, Кристиан, что этот союз был не нужен ни мне, ни тебе. Мы оба были несчастливы. Я искала спасения в дочерях, ты – в жестокости. Я не желаю продолжать мучить нас обоих. Я хочу прекратить это.

Кристиан внимательно слушал Ольгу. Он снова закурил и молчал некоторое время, обдумывая ее слова.

– Ни один суд не оставит девочек тебе, – наконец сказал он, и его глаза засветились. – Кроме того, ты от меня ничего не получишь.

– Мне не нужны твои деньги. Тем более что их у тебя нет. Я не прошу оставить мне дом. Не хочу жить там, где я была несчастлива. Что касается Софии и Виктории, то по закону они приходятся мне такими же дочерьми, как и тебе. Я их мать, об этом говорится в бумагах по удочерению.

Кристиан медленно выдохнул дым, наблюдая за его причудливыми движениями.

– Я докажу в суде, что ты – наркоманка и алкоголичка.

– Кто бы говорил! – усмехнулась Ольга. – Один медицинский тест – и в твоей крови, если ее еще можно назвать кровью, а не смесью коньяка и виски, обнаружат следы наркотиков. А если ты намекаешь на мое лечение в центре «Вирджиния Голд», то смею сказать, что напрасно теряешь время. Никто не подтвердит истинных причин моего присутствия здесь. Тебе об этом известно.

– А ты не боишься, что я убью тебя? – спросил он, и его губы растянулись в улыбке. – Мне ведь совсем не трудно избавиться от надоевшей жены.

Ольга вдруг почувствовала страх. Кристиан произнес это спокойно и легко, как будто он уже не раз обдумывал такую мысль.

– Я остаюсь здесь еще на неделю. У тебя есть время, чтобы обдумать детали моего убийства.

Кристиан слышал удаляющиеся шаги Ольги и понимал, что не отпустит ее. Он знал, что был ей плохим мужем. Но это мало его волновало, и ему было не стыдно за свое поведение. Он ничего не испытывал, кроме желания удержать ее рядом. Да и зачем им разводиться? Ольга более чем кто-либо подходила на роль баронессы. Она была настоящей аристократкой: утонченная, обходительная, умная и красивая. Она производила приятное впечатление на всех, с

кем встречалась. К тому же в Ольге нуждались их дочери. Они вообще испытывали потребность только в ней, отец им был не нужен.

Кристиан направился к машине. По дороге он внезапно понял, почему не хочет терять Ольгу. Он не мог представить без нее своей жизни. Решением развестись Ольга разрушила его привычный мир. Но Кристиан не собирался сдаваться, в его планах не было места переменам.

Глава 7

– Я уезжаю из «Вирджинии Голд», – объявила Мадлен.

– Но почему?

– Потому что де Койн – твой муж, а ты – лживая сука!

Мадлен, не стесняясь в выражениях, продолжала высказывать все, что думает об Ольге. Та молча смотрела на возмущенную девушку, не предпринимая никаких попыток оправдаться. Лишь когда Мадлен выдохлась, она подошла к ней и взяла за руку. Девушка отвернулась, но руку не убрала. Ольга увидела в этом хороший знак. Это означало, что Мадлен готова ее выслушать.

– Я считала, что поступаю правильно, не рассказывая тебе, кто мой муж. Мне казалось, что, умолчав об этом, я сохранию наши отношения.

– Ты ошиблась! – возразила Мадлен. – Наши отношения испортились потому, что ты мне не доверяла! – выкрикнула она. – Я считаю, что в дружбе не должно быть тайн. Если друзья что-то скрывают друг от друга, это уже не дружба.

– Ты считаешь меня своей подругой? Но мы ведь так мало знакомы.

Мадлен подошла к окну. Ее плечи устало опустились. Было видно, что она очень расстроена. Впрочем, она и не стремилась скрыть свое огорчение.

– Дружбу нельзя проверять временем, – продолжала Мадлен. – Это как любовь: либо она есть, либо ее нет. Дружба не может угаснуть с годами или опоздать, придя, когда ты уже хорошо знаешь человека. Я считаю, что это чувство рождается сразу. И то, что мы знаем друг друга всего четыре недели, не имеет никакого значения. Этот короткий срок не влиял на мое отношение к тебе. Зато повлияло твое недоверие. Теперь я не считаю тебя своей подругой.

Ольга покачала головой, не соглашаясь с Мадлен.

– Нет. Ты не права. Дружбу надо заслужить...

– Но это же не орден какой-нибудь! Это чувство! Его нельзя заработать или получить только потому, что ты была хорошей девочкой! Его дарят и принимают.

– Мадлен, прости меня.

– Не извиняйся. Может, это правильно держать людей на расстоянии. Ты привыкла к этому. Но я так не умею. Во всяком случае, с теми, кто мне нравится. Мы с тобой не можем быть подругами. Ты – баронесса де Койн, я – шлюха из «Астрей». Что между нами общего? Ничего, кроме того, что мы вынуждены находиться здесь. «Форс-мажор Хаус» на время сблизил нас, но стоит уехать отсюда, и все закончится.

– Что касается наших различий, то здесь ты глубоко ошибаешься, – усмехнулась Ольга. – И пусть мой титул не сбивает тебя с толку. Мало кому известно, что нынешняя баронесса де Койн тоже когда-то была девочкой из «Астрей». Я не говорила тебе, кто мой муж, только потому, что знала причины твоего появления в «Вирджинии Голд». Ты ведь здесь из-за Марвина, а он приятель Кристиана. Считаешь, я поступила неправильно, умолчав об этом?

– Постой, ты говорила, что наглоталась таблеток, потому что...

– Муж продал меня своему другу, – закончила фразу Ольга. – И этим другом был Марвин Роуз.

Ольга чувствовала облегчение, оттого что ей больше не надо ничего скрывать. Не было тайн, не было страха. Лишь спокойствие и странное ощущение легкости, как будто кто-то взял и убрал с плеч тяжелый груз. Мадлен же, наоборот, казалась опечаленной. Она пыталась разобраться в своих чувствах. Признание Ольги сбilo ее с толку, она запуталась.

– Хватит, – услышала она голос Ольги. – Перестань думать о том, что произошло. Я не могу вернуться назад и по-другому построить свою жизнь, хотя очень этого хочу. Но я могу

построить свое будущее более разумно. И я не желаю, чтобы ты ушла из моей жизни и наши отношения закончились только общением в этом номере. Не хочу больше быть одна.

Мадлен повернулась к Ольге, дотронулась до ее волос и внезапно поняла, почему Марвин заставлял ее надевать темный парик.

– Знаешь, это ведь Кристиан нашел меня в одном клубе. – Мадлен прикрыла глаза. – Столько времени прошло с того дня. Мне было восемнадцать, и я страстно желала стать актрисой. Мы стали любовниками.

– Не оправдывайся. Личная жизнь Кристиана мне всегда была глубоко безразлична. – Ольга усмехнулась. – А меня он избивал всякий раз, когда ему казалось, что я проявила интерес к какому-нибудь мужчине. Напивался и бил, когда кто-нибудь из его дружков смотрел на меня. За время нашего брака я столько месяцев провела взаперти, боясь, что люди увидят синяки на моем лице. Баронессе де Койн не пристало жаловаться на свою жизнь. Да и кому жаловаться? У меня не было подруг. Я даже забыла, как общаться с другими людьми.

Мадлен прижалась к Ольге, ощутив внезапный прилив нежности.

– Ты уже не одна, – прошептала она, крепко сжав ее руку.

– Решила все-таки не вычеркивать меня из списка своих друзей?

– Да, – засмеялась Мадлен. – Подумала, что будет непростительно глупо, если я попытаюсь избавиться от такой подруги, как баронесса де Койн. Ты хотя бы представляешь, какие перспективы в будущем открываются передо мной благодаря дружбе с тобой?! Вот тебе в этой ситуации не повезло. Что можно получить от девчонки из Ист-Энда?

– Времена, когда я была баронессой, закончились. Я решила уйти от Кристиана. Не знаю, правда, куда.

– Можешь переехать ко мне. У меня есть небольшая квартирка в Хокстоне.

Ольга села на кровать. Она замолчала, обдумывая предложение Мадлен. Оно оказалось заманчивым и весьма своевременным. Но тут же вспомнила, что не может на него согласиться.

– Я намериваюсь забрать с собой дочерей.

– Ну, и хорошо. Места всем хватит.

– Кристиан не позволит нам жить спокойно. Я должна уехать не только из Лондона, а из страны. Туда, где буду вне его досягаемости.

Мадлен задумчиво почесала подбородок.

– Если ты забереешь детей и исчезнешь, он поставит всех на уши, чтобы найти вас.

– Не посмеет, – уверенно ответила Ольга. – Я пригрожу ему журналистами. Скажу, что выдам им всю информацию о том, чем он занимается в агентстве «Астрей». И вообще, расскажу о деятельности этой организации.

Мадлен громко выдохнула.

– Решишься разворошить осиное гнездо? Не стоит даже думать об этом! «Астрей» опекают жестокие акулы. Ты себе представить не можешь, насколько опасно замахнуться на их спокойствие.

– Кристиан это тоже понимает, – возразила Ольга. – И я вовсе не собираюсь предавать все, что мне известно, огласке. Я лишь хочу, чтобы он поверил, что я настроена решительно. По-другому мне не удастся убедить его в серьезности моих намерений.

– У тебя есть деньги?

– С собой нет, – улыбнулась Ольга. – В Лондоне есть немного.

– А у Кристиана? – поинтересовалась Мадлен и тут же поправилась: – Ну, простите, баронесса, что интересуюсь финансовым положением вашего мужа.

– Все спущено им в казино, на женщин, наркотики и другие забавы. Кристиан продал все, что имело цену. Остались только два дома и украшения его матери – два бриллиантовых кольца, браслет с изумрудами и еще несколько безделушек.

– Ничего себе безделушки! Предположим, недвижимостью с собой в чемодан не положишь, а вот камушки... Продав их, ты обеспечишь себе и детям неплохую жизнь. Сможешь их взять?

– Наверное, смогу. Но это лучше сделать как можно быстрее. Я не хочу затягивать отъезд. Боюсь, что Кристиан тоже предпримет кое-какие шаги, чтобы я осталась. Я сказала ему, что пробуду здесь еще неделю. За эти дни надо составить план действий.

– Это целых семь дней. Можно пешком до Китая дойти. Нам нужно быстро действовать. Пока преимущество на твоей стороне, но только потому, что Кристиан не знает, что ты собираешься бежать из страны. Чем раньше ты это сделаешь, тем будет лучше для тебя и детей. Пока он не подготовлен, надо нападать.

Ольга тихо засмеялась, потому что Мадлен почти мгновенно вошла в роль великого стратега. Но она не могла не признать, что выводы девушки были логичными и весьма разумными.

– И что же вы решили, господин генерал?

– Ты должна покинуть страну самое позднее завтра утром. – Глаза Мадлен решительно светились. – Нам необходимо незаметно выбраться из клиники. Я помогу собрать тебе вещи. Вот черт! Вы спите с Кристианом в разных спальнях, но... как же упаковать чемоданы, чтобы он не услышал?

– По этому поводу можешь не беспокоиться. Уж не думаешь ли ты, что мой муженек сидит дома и ожидает возвращения жены? Тем более что сегодня пятница – он всегда исчезает на выходные. Раньше понедельника он не появится.

– А дети?

– Они с няней в Брайтоне.

– Может ли Кристиан привести девиц в ваш дом? – не унималась с вопросами Мадлен. – Будет крайне невежливо, если мы сломаем ему кайф. Да и нам это помешает складывать вещи.

– Такого еще не случалось. Но от Кристиана можно ожидать чего угодно. Нам нужна машина, чтобы добраться до Лондона, а затем забрать детей из Брайтона, – сказала Ольга. – Потом надо купить билеты. Думаю, лучше всего улететь в Буэнос-Айрес.

– Машина, – задумчиво проговорила Мадлен. – Такси мы не можем заказать, потому что уехать из «Вирджинии Голд» ночью будет более чем подозрительно.

– Тогда можно уехать вечером. – Ольга вопросительно посмотрела на Мадлен, ожидая, что та одобрит ее предложение. – Поужинать где-нибудь в городе, подождать, пока не наступит ночь, а потом приехать в особняк и забрать вещи.

– Нет, – отклонила эту идею Мадлен. – Кристиана могут предупредить, что ты направляешься в Лондон. Кстати, у тебя есть ключи от дома?

Ольга кивнула.

– Ты брала их с собой в «Вирджинию Голд»? – с недоверием спросила Мадлен.

– Нет, конечно, – смеясь, ответила Ольга. – Неужели ты думаешь, что в том состоянии, в каком меня сюда привезли, я могла думать о ключах? Я знаю, где находится запасная связка.

– Отлично. – Мадлен поднялась с кровати. – Я сейчас решу вопрос с машиной.

Она быстро исчезла за дверьми. Ольга закурила. Она подумала о том, что с появлением Мадлен в ее жизни все начало очень быстро меняться. Конечно же, все стало другим задолго до их встречи. Просто эта девушка придала новый импульс ее существованию, заставляя совершать поступки, на которые ранее она никогда не решилась бы. Уже завтра она и дети будут свободны. Самолет унесет их в новую жизнь.

В комнату вошла Мадлен и втащила за собой женщину. «Ночной смотритель» – так назвала эту испуганную даму Мадлен. Глубокие усталые морщины безжалостно прорезали ее лицо, придавая ей сходство с грецким орехом. Она скромно стояла у двери, теребя пуговицу на блузке. Было видно, что смотрительница взволнована и смущена.

– Это Рамона, – представила ее Мадлен. – Она одолжит нам на время свою машину.

– Рада знакомству, – улыбнулась Ольга, протянув женщине руку. – Спасибо за помощь. Вы уже договорились с Мадлен о цене?

Рамона кивнула.

– Пять сотен фунтов, – сказала Мадлен. – Рамона, присядь. Не нужно стоять у двери, как истукан.

– Я... – почти прошептала женщина, – хорошо. Спасибо.

Ольга улыбнулась ее робости. Она часто видела, как люди теряются в ее присутствии, становятся несмелыми и даже испытывают боязнь.

– Представляешь, – обратилась к Ольге Мадлен, – муженек Рамоны снял со счета деньги, предназначенные для учебы дочери, и укатил с любовницей в неизвестном направлении. Так что не у одних нас проблемы с мужчинами.

Рамона шмыгнула носом, глаза ее стали мокрыми. Она стала часто моргать, пытаясь не заплакать, но в итоге не выдержала и громко всхлипнула.

– Простите, баронесса.

– Я прекрасно знаю, что чувствует человек, когда его предали, – сказала Ольга. – Не сдерживайте слезы.

Рамона поднесла платок к глазам, но плакать не стала. Испугалась присутствия важной особы. Несмотря на то что эта красивая женщина разрешила ей выпустить эмоции наружу, величественный вид Ольги не позволял расслабиться. Он словно говорил, что необходимо держать себя в руках.

– Рамона оставит машину у ограды, – сказала Мадлен. – Нам придется перелезть через забор. Не стоит, чтобы охранники видели наш отъезд. Ключи я верну завтра.

– Удачи вам, леди, – вежливо сказала Рамона. – Благодарю вас за деньги, баронесса.

Мадлен закрыла за ней дверь и бросилась к Ольге.

– А теперь продумаем план на сегодняшнюю ночь.

Глава 8

В полночь Рамона провела женщин через служебный выход. Быстрым шагом они направились к реке, перешли через мост и оказались возле высокой ограды. Ночь пугала своей тишиной и таинственностью. Шорохи заставляли их испуганно прижиматься друг к другу.

– Чувствую себя Джеймсом Бондом, – прошептала Мадлен, оглядываясь по сторонам.

Она подошла к каменной ограде, прикидывая, как перелезть через нее. Потрогала руками выступы и недовольно поморщилась.

– Здесь можно обломать все ногти. Хорошо, что тут растет плющ. Надеюсь, он поможет нам выбраться отсюда.

Продолжая ворчать, она нащупала одной рукой выступ, второй схватила за тонкие ветви плюща, увившего каменную ограду, и подтянулась. Довольно быстро она забралась наверх и подала Ольге руку. Уже через минуту та сидела рядом с Мадлен.

– Придется прыгать, – подумав, сказала Мадлен. – Высоковато, конечно. Но что поделаешь, летать мы не умеем.

Они ловко спрыгнули вниз. Мадлен прошла по узкой тропинке вперед, высматривая машину, которую для них должна была оставить Рамона.

– Вот морщинистая задница, – пробурчала она. – Она, наверное, решила тачку подогнать прямо к Лондону. О! Вижу!

Старый «Ровер» одиноко стоял в кустах. Мадлен достала из кармана ключи и отключила сигнализацию. Раздался тихий щелчок, и машина мигнула фарами. До Лондона они ехали молча. Уже в городе договорились, что Мадлен поможет Ольге собрать чемоданы. Затем Ольга поедет за детьми в Брайтон, а Мадлен тем временем возьмет такси и направится в Хитроу за билетами. Они встретятся в аэропорту, попрощаются, Ольга с детьми улетит в Буэнос-Айрес, а Мадлен вернется обратно в центр «Вирджиния Голд».

В Мэйфэре было тихо. Машина неспешно продвигалась по улицам этого аристократического района. Создавалось впечатление, будто изысканные особняки, насквозь пропитанные снобизмом и надменностью, с недоумением поглядывают на неуклюжий «Ровер», гадая, каким образом это неказистое авто оказалось в их обители. Машина проехала несколько улиц и свернула на ту, где находился старинный дом, вот уже два столетия принадлежавший де Койнам. Мадлен заглушила мотор и вышла из машины вслед за Ольгой. Они быстро открыли калитку и оказались в большом саду. Он был слабо освещен, но Ольга уверенно двигалась по узкой дорожке, направляясь к дому. В окнах не было света, особняк мирно спал.

Ольга постояла несколько минут на террасе, затем опустила голову. Она считала небольшие каменные плиты, которыми был выложен пол террасы. Найдя нужную, подошла к ней и легко подняла. В небольшом углублении лежали ключи.

– Ничего себе конспирация, – тихо присвистнула Мадлен. – Не проще ли было бы положить их под какой-нибудь горшок с цветами?

– Говори тише, – попросила Ольга.

– Зачем? – удивилась Мадлен. – Я здесь петь могу во все горло, все равно никто не услышит: улица далеко, сад огромный, а местные аристократы уже давно спят в своих резиденциях.

Ольга открыла дверь.

– Свет включать? Или будем работать на ощупь? – спросила она, пытаясь найти в темноте Мадлен.

– Включай. Дом не виден из-за деревьев. «Работать на ощупь». Ну, и жаргон!

– У тебя учусь.

Яркий свет заставил женщин на мгновение зажмуриться. Мадлен даже прикрыла лицо руками, спасаясь от резкой боли в глазах.

– Следуй за мной, – сказала Ольга.

Они прошли через небольшой коридорчик и оказались в просторном холле. Мадлен с любопытством оглядывалась по сторонам.

– Кто, интересно, убирает в доме? – спросила она.

– По понедельникам и четвергам приходит домработница. – Ольга быстро шагала по направлению к лестнице.

Мадлен едва поспевала за ней. Они поднялись на второй этаж.

– Сначала соберем мои вещи, – сказала Ольга. – Затем детские. Потом я открою сейф, возьму драгоценности и деньги. Надеюсь, что там есть хоть немного наличности.

– Если сейф окажется пустым, вам придется плыть в Буэнос-Айрес на чемоданах, – засмеялась Мадлен.

Она подошла к гардеробной и, открыв ее, присвистнула.

– Ни хрена себе! Да здесь поместится вся моя квартира. Хорошо, оказывается, живут баронессы!

– Не желаю тебе такой жизни.

Ольга взяла два чемодана и положила их на кровать. Она доставала вещи и складывала их рядом.

– В Буэнос-Айресе сейчас зима. Надо взять свитера, пальто и...

Женщины замолчали и настороженно посмотрели друг на друга. Во дворе слышался шум колес, который вскоре затих. Ольга подошла к окну и осторожно выглянула наружу. У входа в дом стоял «Мерседес» Кристиана. Она испуганно посмотрела на Мадлен.

– Иди в комнату детей, – сказала Ольга. – Потом тихо спускайся вниз и подожди меня в машине. Быстрее, – повысила голос Ольга и тут же смягчилась. – Не беспокойся за меня. Давай убегай. И смотри не попадись ему на глаза.

Она вывела Мадлен из спальни и указала рукой, куда нужно идти. Затем вернулась к чемоданам и стала быстро складывать в них вещи. Она слышала, как Кристиан поднимается по лестнице, и дрожала от страха. Шаги мужа были неровными и глухими, это означало, что он пьян, а следовательно, зол. Ольга быстро захлопнула один из чемоданов и повернулась лицом к двери как раз в тот момент, когда Кристиан входил в комнату. Он остановился на пороге и задумчиво посмотрел на жену.

– Вернулась? А говорила, что... – Тут его взгляд упал на чемоданы и разбросанные вещи. – Уезжаем?

Он направился к Ольге.

– Не подходи ко мне! – сказала она и отступила к окну.

Кристиан остановился. На лице его заиграла насмешливая улыбка. Затуманенным алкоголем взглядом он посмотрел на жену и оскалился.

– Ах, какая неудача! Муж не вовремя вернулся домой, нарушив планы подлой женушки! Куда собралась?

– Не твое дело.

Кристиан рассмеялся. Пьяный смех гулким эхом разнесся по дому, заставив Мадлен съежиться от ужаса. Она старалась не дышать, чтобы не обнаружить свое присутствие. О том, чтобы спуститься вниз к машине, не могло быть и речи, потому что она не в состоянии была пошевелиться от страха. Она словно приросла к полу, напряженно вслушиваясь в разговор, происходящий между супругами. Мадлен была поражена спокойным голосом Ольги. В нем не чувствовалось ни страха, ни волнения. Зато злостью Кристиана был пропитан весь воздух в доме. Говорил он громко и едко. Мадлен была обескуражена оскорблениями, которыми он осыпал свою жену. Она поняла, что Кристиан не намерен отпускать Ольгу. Мадлен отчаянно искала способ помочь подруге убраться из этого злополучного места. «Надо поджечь дом, –

пришла внезапная мысль. – Устрою для де Койна маленький пожар. Черт! Придется спуститься в кухню за спичками и бумагой».

Мадлен осторожно выглянула в коридор. Там никого не было. Она стала осторожно приближаться к лестнице, замирая на месте каждый раз, когда раздавался голос Кристиана. В комнате слышались шум и стоны Ольги. Похоже, Кристиан приступил к самой важной части беседы, применив для убедительности всю свою силу. Мадлен сбросила туфли и сбежала вниз. В холле она остановилась и прислушалась к тому, что творится в спальне Ольги. Она постаралась стряхнуть с себя оцепенение и стала открывать каждую дверь, пытаясь обнаружить кухню. Наконец, она нашла ее и уже шарила по многочисленным ящикам в поисках спичек или зажигалки, когда наверху раздался выстрел. Вздвогнув, Мадлен вжала голову в плечи, дыхание перехватило. Следом слышались неразборчивые выкрики Кристиана и тихий голос Ольги. Мадлен схватила спички, пачку газет, лежащую в плетеной корзинке на полу, и стала рассматривать потолок, стараясь отыскать пожарный датчик. Она встала на стул, подпалила газету и поднесла ее к маленькому прибору.

Громкий звук второго выстрела разнесся по всему дому. Девушка выронила горящую газету из рук и прислушалась. Сверху не раздавалось ни звука. Мадлен прыгнула со стула и побежала в спальню. Страх подгонял ее, а внутренний голос уговаривал остановиться. Он шептал ей: «Уходи отсюда, глупая! Убегай, пока тебя никто не заметил». Мадлен дрожала, но все же продолжала подниматься вверх. Возле спальни Ольги она остановилась, сосчитала про себя до десяти и вошла внутрь.

На ковре лицом вниз лежал Кристиан, рядом стояла Ольга, держа в руках пистолет. Услышав шаги, она резко обернулась. Мадлен, белая от страха, медленно подошла к Ольге, забрала пистолет, швырнула его на кровать и спросила:

– Мертвый? Или просто ранен?

Ольга подошла к мужу и дотронулась до его шеи. Пульс не прощупывался.

– Мертвый.

Мадлен выругалась и оттащила Ольгу от Кристиана.

– Не заляпайся в крови, – предупредила она, указывая на ковер, по которому быстро расплывалось темное пятно. – Ты что делаешь? – резко спросила она Ольгу, направившуюся к телефону. – Полицию решила вызвать? Хочешь всю оставшуюся жизнь провести за решеткой?

Ольга положила трубку на столик у кровати и устало посмотрела на Мадлен.

– Но что же мне делать? – дрожащим голосом спросила она.

– Мне?! – вырвалось у Мадлен. – Я тоже, между прочим, соучастница. Ты зачем в него стреляла? Я уже намеревалась поджечь дом, вызвать пожарных и спасти тебя от этого идиота. Тупой, мертвый урод. – Она повернулась к Кристиану и пнула его труп ногой.

– Он начал меня избивать. Потом стал срывать одежду. Сказал: «Давай, любимая, позабавимся напоследок». Я отбивалась. Тогда он толкнул меня, и я упала на пол. Головой ударилась о столик. Мадлен, я ведь хотела застрелиться.

– Ты хотела сейчас застрелиться?!

– Нет! Я хотела застрелиться после того, как меня изнасиловал Марвин, а в итоге напилась таблеток. Купила пистолет, но потом мне стало страшно. Я положила пистолет в сумку и спрятала ее под столик. Сейчас, когда я упала на пол, вдруг вспомнила о нем. Я не хотела убивать Кристиана, просто намеревалась испугать. – Ольга дотронулась до разорванного воротника и замолчала. – Я даже выстрелила один раз в стену, чтобы он успокоился. Но Кристиан еще больше завелся. Я не заметила, как нажала на курок второй раз. Он сразу же упал на пол.

– И сдох, – подвела итог Мадлен.

Ольга сняла свитер и села на кровать. Она смотрела на мертвого Кристиана и никак не могла осознать, что все случилось на самом деле. Ей хотелось отмотать назад пленку на тот

момент, когда она дала свое согласие работать в «Астрей». Она отказалась бы и никогда не встретила бы на своем пути де Койна. И ей никогда не пришлось бы стрелять в человека.

– Ольга, – позвала ее Мадлен. – Оденся, ты вся дрожишь от холода. И не дергайся. Я знаю, что нам нужно делать. Во-первых, достань вещи из чемоданов и повесь на место.

– Но...

– Думаешь, лучше сбежать из страны? – усмехнулась Мадлен. – В этом случае ты первой попадешь под подозрение. Твое спешное бегство будет одним из главных доказательств твоей вины.

Женщины быстро разложили вещи по местам и засунули чемоданы обратно в шкаф.

– Вот, черт! Надо было раньше об этом подумать.

Мадлен достала две пары перчаток, одну протянула Ольге.

– Надевай, – уверенно сказал она. – Я сейчас спущусь в кухню, найду мешок для мусора. Сложим в него твой порванный свитер, пистолет и перчатки после того, как их используем.

Вернулась она через несколько минут, держа в руках плотный пакет, в котором уже лежала обгоревшая газета.

– Я протерла внизу тумбочки, к которым прикасалась.

– А как поступить с моими отпечатками?

– Это твой дом. Вполне логично, что их здесь множество.

– Что делать с ним? – Ольга кивнула в сторону Кристиана.

– Оставим здесь. Заберем все содержимое сейфа и вернемся в клинику. Пусть все выглядит так, как будто это ограбление. Раньше понедельника его никто не обнаружит. Домработница приходит в понедельник или во вторник?

– В понедельник.

– Вот и отлично. Нам предстоят два спокойных дня в центре «Вирджиния Голд». Поплаваем в бассейне, поиграем в теннис. Напьемся у тебя в номере. А сейчас идем открывать сейф.

Они вошли в кабинет Кристиана. Ольга отодвинула деревянную панель на стене и набрала код на двери сейфа. Раздался легкий щелчок, и дверца бесшумно открылась.

– Забирай все, – скомандовала Мадлен.

Ольга достала с верхней полки шкатулку, в которой лежали украшения. Затем взяла три пачки банкнот, лежащие на той же полке. В нижнем отделении стоял кейс, рядом с ним лежал желтый конверт.

– Это тоже брать? – спросила Ольга.

– А как же!

Она протянула Мадлен пакет и вытащила тяжелый кейс. Мадлен с любопытством заглянула внутрь конверта.

– Твою мать! – выругалась она, протягивая Ольге одну из фотографий, на которой был изображен министр Демпси в обнимку с обнаженной девицей. – Ну, мы с тобой и попали! Открывай кейс.

– Деньги, – прошептала Ольга, удивленно рассматривая аккуратно сложенные пачки. – По пятнадцать пачек в пять рядов. В каждой пачке десять тысяч. Семьсот пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Мадлен потрясла ее за плечо.

– Все. Уходим. – Она посмотрела на часы. – Возвращаемся в клинику и ложимся спать. Алиби нам устроит Рамона. Отвалим ей тысяч пятьдесят или шестьдесят, примерно столько же украл у нее муж. Тетка будет благодарна нам по гроб жизни. За такие деньги она подтвердит, что ты сладко спала этой ночью в своем номере.

Они вышли из комнаты. Мадлен несла в руках кейс и мусорный мешок.

– Слушай, – сказала она. – Получается, что мы украли выручку «Астрей» плюс компромат на клиентов. Рой Гесс перероев весь Лондон, чтобы вернуть принадлежащие ему «бабки» и снимки.

– Кто это? – поинтересовалась Ольга.

– Владелец агентства «Астрей». Редкая тварь, поверь мне. Нам надо быть очень осторожными, потому что эта собака за милю чувствует подвох. Я не думаю, что он будет подозревать тебя в краже, но все же нужно себя обезопасить. Не трать деньги некоторое время.

– Мы их поделим, – сказала Ольга. – Поровну, с учетом той суммы, которая уйдет на оплату молчания Рамоны. Мадлен, а ты не думаешь, что она будет нас шантажировать?

– У нее мозгов на это не хватит, – уверенно ответила Мадлен.

Спустя несколько часов Ольга сидела в своем номере и курила. До этого они выбросили пакет с пистолетом в одну из многочисленных мусорок Лондона и спрятали кейс с деньгами на территории, принадлежащей «Вирджинии Голд», возле беседки, где еще утром Ольга разговаривала со своим мужем. «Вдова, – пронеслось в голове. – Собственноручно себя ею сделала».

В комнату вошла Мадлен.

– Деньги Рамоне отдала. Она готова подтвердить даже то, что ты президент Гондураса. Слава богу, что в коридорах и номерах нет камер, иначе мы обе оказались бы в полной заднице. Ладно. Отдыхай. Увидимся утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.